Колдовские миры

Галина Гончарова

Ветана
Дар исцеления

Колдовские миры

Галина Гончарова

Ветана. Дар исцеления

«Эксмо»
2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Гончарова Г. Д.

Ветана. Дар исцеления / Г. Д. Гончарова — «Эксмо», 2018 — (Колдовские миры)

ISBN 978-5-04-097578-5

Когда людям плохо – разве может маг жизни остаться в стороне? Нет, никогда! Ведь уже разворачивает крылья черная смерть, призванная на Алетар пришлым некромантом, готовятся ударить в спину предатели и ждет своего часа страшное оружие Храма, созданное уничтожить короля-демона.Даже если за свое решение придется платить тем, что ценнее жизни – даром целительства, Ветана заплатит и эту цену. Но найдет ли она место в изменившемся мире? Или можно вернуть даже то, что, казалось, утрачено навеки?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-097578-5

© Гончарова Г. Д., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Пролог 6
Глава 1 12
Глава 2 30
Глава 3 45
Глава 4 61
Конец ознакомительного фрагмента. 63

Галина Дмитриевна Гончарова
Ветана. Дар исцеления

© Гончарова Г.Д., 2018
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Пролог

Как выглядит личный королевский кабинет?

Это смотря какой король. Чем он увлекается, чего хочет от жизни… У кого-то там чучела зверей, ибо его величество страстный любитель охоты; у кого-то подвязки с кружевом – тоже трофеи, но от дам-с; у кого-то гора документов, а вот его величество Эрик таким излишествам был хоть и не чужд, но…

Рабочий кабинет некроманта – место тихое, спокойное и где-то даже уютное. И не надо воображать кости по стенам, скелеты по углам и черепа на столе – это пошлятина и удел ярмарочных фокусников. Не надо додумывать стены, обитые черной тканью, и обязательный кроваво-красный потолок. Может, еще и графинчик с кровью в столе заначить?

Пф-ф-ф… Позавчерашний день – подобные тенденции в оформлении. Или даже поза-позавчерашний.

Сегодня кабинет некроманта выглядит таким образом: стены, обитые элегантными панелями из мореного дуба, благородный гранитный пол в серо-голубых тонах с простым геометрическим орнаментом, потолок с лепниной, тяжелые шторы золотистого бархата, массивный стол с бумагами и книжные полки в углу. Все очень просто, строго, аккуратно. Хочешь – работай, хочешь – отдыхай, для того в другом углу и поставлен очень удобный даже на вид диванчик.

А как же ритуалы? Как же жертвоприношения? И это… прекрасные девственницы?

Э-эх, господа, отстали вы от жизни.

Пол – он потому и гранитный, что с него кровь легче оттирать. Потому и рисунок геометрический – вы когда-нибудь чертили большую пентаграмму? Поди проведи прямую линию на два метра? Дубовые панели тоже достаточно демократичны в этом отношении – даже если пару капель крови и пропустишь, все равно будет незаметно. Пространство в кабинете тоже распределено очень грамотно, так что сдвинь стол – и будет тебе место даже для Очень Большой Пентаграммы, в столе найдутся и мел, и черные свечи, и даже несколько фиалов с кровью, хотя приличные некроманты пользуются только своей. А ритуальный нож…

Кто-то решит, что скипетр – это просто символ королевской власти. Носит его король – и носит. Ан нет! От символа давно осталась только оболочка. А на самом деле пустой золотой футляр служит лишь ножнами для ритуального кинжала. Но к чему это афишировать? Мы же не быдло демоническое из низших кругов мира темных, мы – эстеты…

Вот примерно в таком духе и высказался канцлер, вытягивая ноги.

– Если захочешь – перенесем нашу встречу в тюрьму. Так, к примеру, – усмехнулся его величество Эрик.

– Опять? – Рамон, хоть и был самым младшим в этой теплой компании, никакой неловкости не испытывал. Возраст – это не то, сколько ты дней рождения справил, это сколько ты всего пережил, перевидел, перечувствовал… – Я только недавно оттуда. Едва вымыться успел – и опять?

– Сейчас Алонсо перестанет строить из себя невесть что, – усмехнулся его величество, – и мы поговорим всерьез. – И не о некромантии.

– Предлагаю начать с тиртанцев, – подобрался Рамон.

– Начни.

Его величество перекатывал в руках бокал с благородной темно-красной жидкостью, переливавшейся рубином и сердоликом. К ужасу иного поборника зла, в этой страшной жидкости легко можно было опознать вишневый компот. Вино его величество не жаловал, как и остальные собравшиеся, кровь не пил, вопреки всем устоявшимся штампам и мнениям, а вишня – штука вкусная. Пусть кто что хочет – то и придумает, а его величество будет делать что пожелает. Хотя бы в таких мелочах. Иначе какой смысл быть королем?

Рамон посмотрел на свет через свой бокал, отставил его и вздохнул.

– Подводя итоги – тиртанцы обнаглели не сами. Им бы и в голову не пришло устраивать подобное на нашей территории. Максимум, на что они способны, – пройтись вдоль побережья, набрать рабов и удрать.

– Недалеко и ненадолго, – заметил его величество.

– Вряд ли это многих остановит, если не повторять урок регулярно, – подметил Алонсо.

– Куда уж еще регулярнее – и пяти лет не прошло?

Да, бывало и такое. Рабы в Тиртане – дорогой товар, и иногда находились храбрецы. Налетали на рыбацкие деревеньки, захватывали пленных, обращали людей в рабство, без жалости убивая стариков и калек, а также тех, за кого не возьмешь дорого.

Последний раз подобная компания объявилась лет пять назад – к их большому и достаточно долгому сожалению! Кто ж знал, что неподалеку будет патрулировать судно с принцем Алексом на борту?

Да, его величество не прятал наследника от тягот жизни. Наоборот, принц бывал и на рудниках, и на границах, и на корабле плавал, и начинал на нем не с капитана, а с юнги… Так и самого Эрика воспитывали, не пряча от правды жизни, так и он стал воспитывать сына, когда малыш подрос достаточно, чтобы спокойно менять свое обличье.

Но суть сейчас не в воспитании наследника, а в его поступке.

Его величеству не понравилось подобное поведение тиртанцев, и он… вмешался. Корабль работорговцев догнали и взяли на абордаж. А потом живые позавидовали мертвым, потому что принц Алекс приказал вспороть всем оставшимся в живых животы и бросить так на корабле на волю волн. Прибить к палубе или мачтам, добавить свиток с приговором – и будь что будет.

Корабль был замечен не единожды, об этом Рамон знал из донесений. И всякий раз люди всходили на его палубу и очень быстро уходили с нее. *Очень* быстро.

Его величество, кстати, наследника не ругал. Наоборот, похвалил за находчивость. Стоит ли говорить, что пока урока хватало разным… горячим головам? А там и повторить можно, когда забудется. Принесший смерть достоин смерти, и никак иначе.

– Может, срок закончился?

– Нет, ваше величество. Мы допросили Лантара-младшего. Конечно, знает он не так много, но и этого хватило.

Его величество не стал задавать разные пошлые вопросы вроде «Все ли рассказал сын трея?» или «Надеюсь, его хорошо допросили?». Он и так отлично знал ответы.

– И? – подтолкнул Алонсо.

– Они не просто так положили глаз на Раденор. Их пригласили.

В кабинете повисла мертвая тишина, только глаза короля вспыхнули красными огоньками, совершенно не гармонируя с обивкой кабинета. Рамон улыбался, но молчал, ожидая вопроса.

– И кто же?

– Он не знает. Неизвестные договаривались лично с треем Лантаром.

– Почему именно с ним?

– Потому что он из старинной знатной семьи. Больше влияния, много связей и совершенно недостаточно денег, – развел руками Рамон. – Потому и согласился.

– Идиот. – Алонсо Моринар констатировал факт. Просто, без особой аффектации. К чему?

Его величество пожал плечами. Да, видимо, у трея наблюдается прискорбная недостаточность мозгового вещества. И не исключено, что его скоро ждет проверка. В буквальном смысле. Вскрыть, посмотреть, покопаться… да, возможно, еще на живом человеке. В некромантии и такое практикуется. Есть уйма демонов, которые обожают сырые мозги.

Рамон потер лоб.

– Знаете, мне не дает покоя такая мысль. Все отлично знают и про династию королей-некромантов, и про месть, и про… В каком случае этого можно не опасаться?

– Людям вообще свойственно думать, что их беда не затронет. – Его величество пожал плечами. – Но я тебя понял.

– Если его величества не станет? – уточнил Алонсо.

– Да. Вот смотрите, годами – ГОДАМИ! – на нашей территории разгуливали работорговцы, отлавливали людей. И вы мне хотите сказать, что их никто не прикрывал? В порту? Хотя бы…

Его величество усмехнулся вовсе уж по-змеиному. Хотя клыки у него были скорее волчьи.

– Прикрывали, конечно. Алонсо?..

– Почему я до сих пор этого не увидел? Да потому, что не успел. Эта сука, Логан, такой бордель развел, что только голых баб под столом не было. Нарочно, что ли?

– Надо полагать…

– А я не успел, да. Уж прости, Эрик, семидесяти глаз у меня нет. Да и дела я недавно принял, и остальных обязанностей с меня никто не снимал.

– С глазами могу помочь. – Его величество смотрел на мир сквозь рубиновую пелену вишневого сока. – А так… Все я понимаю, не нервничай. У тебя не было шансов разобраться во всем и сразу, хорошо хоть, начали. Думаете, опять Ришарды воду мутят?

– Думаете – передумаете. – Рамон подергал себя за хвост длинных белесых волос. – Доказательства нужны!

Его величество скривился, но кивнул. Ах, насколько же было проще его предку! А что сейчас! Легализация магов и прижатый храмовный хвост обернулись против его потомков. Маги свободны, свободна и магия, и услуги они могут оказывать кому угодно и какие угодно. А что до храмовников, сидят-то они тихо, но вонюче. И любые проблемы Алетара растрезвонят на весь мир.

Вы знаете, что его величество намедни проиграл в карты свою любовницу? Разумеется. Только не его величество, а его лакей, не любовницу, а три золотых, не в карты, а в орлянку, и не проиграл, а выиграл. А так – чистая правда!

И что самое паскудное…

Можно перебить половину гадов. Можно запугать остальных до трясучки и икоты!

Нельзя! Нельзя на основании страха сформировать о себе хорошее мнение. И нельзя строить отношения на основе страха, вести дела, налаживать долгосрочные контакты, отдавать замуж детей и получать женихов и невест из иных стран… Да много чего нельзя, в том-то и беда! Напугать можно, но метод «из-под палки» не работает уже давно. И приходится даже некроманту делать вид, что он белый и пушистый. А чешуйки и когти – так, временное заболевание.

А Ришарды и Леклеры – две семьи, которые не менее знатны и богаты, чем те же Моринары, и связей у них хватает еще со времени предка. И за границами Раденора – тоже. И если сейчас попросту вырезать их в ноль – потом сто лет не отмоешься. Хотя при необходимости – можно.

Но пока жестких требований от жизни нет, можно обойтись и чем попроще. Поиграть в закон, порядок… Найдется, за что их притянуть. Хоть за уши, хоть за… Ладно, этот ритуал мы потом еще обдумаем.

– Найдем мы постепенно доказательства, – Алонсо мыслил в том же ключе, – и сделаем все так, что комар носа не подточит, никуда не денутся, твар-ри!

– А пока надо позаботиться, чтобы они не прибрали к рукам мага жизни. – Его величество скользнул мыслью в совершенно другое русло. Впрочем, собеседников это не смутило – все они знали друг друга не один год и отлично понимали.

– Да, девочка нам отлично помогла, не хочется быть неблагодарной свиньей, – протянул Алонсо.

– Вылечила тебя. Твоего сына.

– Инспирировала[1] беспорядки в порту, в результате чего мы убрали Логана.

– Да и гвардию я благодаря ей почистил, – усмехнулся Рамон. – И мое мнение – она все же аристократка.

– Что известно из нашего посольства?

– Тишина. Никто никого не ищет, никто ничего не ищет…

Рамон выглядел искренне огорченным.

Канцлер покачал головой:

– Молодежь… А мне вот попался интересный документ. Тут нашего любителя женщин разыскали, знаете?

Его величество полюбовался идеальной формы синеватыми когтями – длинными, острыми… Сердце вырвать – как вздохнуть. И словно мимоходом поинтересовался:

– И кто же это?

Кого я буду немножко жертвоприносить? В ближайшее время!

– Некто Артау. Барон, между прочим. Из Миеллена.

– Барон? И что ему – не давали, если он резать женщин решил?

– Вкусы у человека такие, – развел руками канцлер. – Я тут протокол допроса пролистал, пока лежал…

– И как это тетя гонцов пропустила?

– Завидуй молча, сопляк, – отшутился Алонсо. – Но – да. Если вкратце, наш барон с детства больной на всю голову. Мать у него, чтобы продлить себе жизнь, принимала ванны с кровью, отец был большим любителем развлечений с плетями и кнутами, ну и сынок тоже того-с… с малолетства пристрастился. Два раза женился, к счастью, не размножился. Третий раз решил повторить попытку, да неудачно. Невеста сбежала.

– Очень умная девушка, – одобрил король.

– Да. Но потом встретилась с женихом при дворе.

Брови у короля и у Палача поползли вверх. Синхронно так…

– При нашем дворе?

Король попытался припомнить, кто из женщин впервые появился при его дворе в последнее время. Припоминалось плохо. С любовью у демонов тяжко, но если уж они находят свою половинку, то на остальных дам внимания просто не обращают. Мало ли кто тут бегает? А его величество был счастлив в браке с очаровательной женщиной, магом земли, кстати, вот уже лет двадцать пять. Сейчас ее величество была с младшей дочерью в Торрине. Малышка тоже уродилась сильным магом земли, и держать ее в столице было рискованно – так вот расплачется дитятко, а ты потом дворец из пропасти доставай…

– Да. Она сюда за наградой приходила. – Канцлер полюбовался еще и вытаращенными глазами собеседников и добавил: – Правда, барон сейчас уверен, что ошибся, но госпожа Ветана – один в один его невеста.

Палач подавился компотом.

– И кто же его невеста? – королю повезло больше.

– Старшая дочь графа. Иветта Тойри Оломар.

---

[1] Подстрекнуть (подстрекать) к каким-нибудь действиям (*прим. авт.*).

На несколько минут в кабинете повисла тишина. Мужчины осмысливали полученную информацию.

Графы Оломар. Не самый старый род в Миеллене, не самый заметный, не самый богатый… так, серая скотинка, каких много. Живут, проживают или прожигают жизнь, трутся при дворе, обязательный элемент как праздников, так и будней, но сами по себе…

Они попросту ни на что не способны. Ноль. Пустота…

– Как барон получил такую выгодную невесту? – уточнил его величество.

– Артау богаты. Очень богаты. А граф проигрался…

– Кстати… о богатстве?

– Не уплывет, ваше величество. Барон хотел наследника. Так вот. Одна из его жертв выжила и даже беременна. Правда, знать ничего не хочет и мечтает вытравить плод. Мы ей вежливо объясним, что положение вдовы барона намного выгоднее, чем изнасилованной дурехи. Родит сына, мы его воспитаем в нужном ключе, а уж он получит приличные земли в Миеллене. Ну и девушке компенсация.

– Позаботьтесь, – согласился его величество. – Графиня – это излишества, а вот…

– Дочь купца.

– Отлично. Не будем сильно афишировать этот брак, но документы должны быть честь по чести, от свидетельства о браке до завещания. Можете даже пару раз барона на людях выгулять, пусть на свет посмотрит. Недолго, последний раз.

– Да, ваше величество.

Можно, конечно, и повоевать. Но это долго, дорого, да и вообще, некроманты очень хорошо понимают ценность жизни, даже чужой. А потому… Мирным путем, исключительно мирным путем! Барон Артау – подданный Миеллена, его сын тоже будет, и женить мальчика можно выгодно…

Шелковой перчаткой на стальной руке, так-то…

– И разберитесь, что там с девушкой. Если она действительно графиня, найдем ей жениха.

Рамон кивнул:

– Как скажете, ваше величество.

Король потер переносицу:

– Если ты сам не захочешь…

– Если прикажете…

Король покачал головой:

– Тебе – не прикажу, сам знаешь. Хотя, может, и стоило бы. Маги жизни, говорят, лечат.

– Все люди Алетара сочтут за счастье…

– Рэм, прекрати. – Алонсо поленился вставать и пнул племянника ногой. – Хватит из себя ледяного человека корчить, все равно не твоя стихия. Тебе девчонка нравится?

Рамон подумал о магичке жизни. Вспомнил черную длинную косу, упрямый подбородок, большие серые глаза, вспомнил ее манеру возмущенно вскидываться, спорить – без особого почтения и страха – и честно признался:

– Да, пожалуй.

– Тогда пока никого не ищем. Разберись в своих чувствах, если они есть, а там посмотрим, – решил его величество.

Рамон кивнул. Разобраться, да… Хорошая идея. Пожалуй, уже завтра он наведается в лечебницу для бедных.

– Саму девушку пока не беспокоить.

– Ваше величество?

– Я непонятно выразился? Будь там госпожа Ветана или Иветта Оломар – мне безразлично. Охрану приставить, но саму девушку до моего распоряжения не трогать.

Моринары кивнули. Оба.

Его величество покосился на одного, на второго и ухмыльнулся. Канцлер его идею явно понял, а вот Рамон недоумевает. Ничего, его величество умный, его величество жизнь знает. Лучше один раз запретить, чем потом сто раз уговаривать. Вот посмóтрите, Рамон еще найдет, как обойти запрет.

Ведь что самое главное в женщине? Не попка и не глазки, нет.

Недоступность!

И если лекарка может и дрогнуть, то его величество – никоим образом. Сладок лишь запретный плод, а потому – запрет! И никаких исключений даже для самых ближайших друзей! Пусть изыскивают обходные пути, так интереснее…

Его величество посмотрел в окно и мечтательно улыбнулся. Как же хорошо жить среди людей!

Глава 1

Приближенный Фолкс расхаживал по комнате, словно лев по клетке. Вцепиться бы кому в глотку, но, хорошо зная свое начальство, храмовники словно растворились в воздухе.

Да что этот маг жизни – заговоренный, что ли?! Тварь такая! Уже трое людей, трое магов, а Храм их, между прочим, не рожает! Ну… рожает, конечно, от специально подобранных женщин, но ты поди дождись еще, пока маг родится, вырастет да научится хоть чему! И вообще… Как ни подбирай пары – все равно магом будет в лучшем случае каждый десятый ребенок. Слабым, плохим… никаким. Даже от двух магов. Есть теория, что это из-за насилия, но Храм ее не одобрял. Насилие? Что значит – насилие?

Фолкс таких слов не любил. Это же Храм! Тут все добровольно, все исключительно по осознанной необходимости, а что сию необходимость иногда годами вбивать приходится в тупые головы… Так это везде бывает!

Ладно, что-то он отвлекся. Судя по всему, этот маг находится в лечебнице для бедных. Или хотя бы там бывает. Ну и что делать? Хотя вопрос откровенно глупый. Направлять туда своих людей, ждать, следить… И еще пожаловаться королю на наглого убийцу! Пусть его казнят побыстрее, что ли? Вот ведь негодяй!

* * *

– Лим!

Видеть мальчика я была рада, хотя именно он… А, что уж там! Рано или поздно, так или иначе моя тайна открылась бы. И лучше пусть в курсе будут первые лица королевства, чем их антагонисты со дна Алетара.

– Тетя Вета!

Увесистое живое ядро едва не снесло меня с ног. Повисло на шее, расцеловало в обе щеки, перепачкав чем-то вроде варенья, и напоследок дернуло за волосы. Но на мордахе было столько счастья, что спустить мальчика с рук я просто не смогла.

– Как ты? Как папа?

– Замечательно! Папа у короля на приеме, а мы с мамой решили приехать в гости!

Замечательно.

А что я еще могу сказать?

Герцогиня Моринар, к лекарке, в бедняцкий квартал… просто шикарно! И сейчас Линетт Моринар выходит из кареты, сияя улыбкой.

– Вета, милая, здравствуйте!

Я сделала реверанс, думая, что сплетни мне не изжить никогда. Линетт, видимо, поняла, о чем я думаю, и развела руками.

– Алемико так настаивал, чтобы мы поехали, я не решилась ему отказать. Может, вы составите нам компанию? Прогуляемся за городом?

Я подумала пару минут и согласилась. Почему бы нет? В лечебнице моя работа на сегодня закончена, больных на горизонте не видно, день хороший…

Накаркала.

– Госпожа Ветана!!!

Пареньку было на вид лет пятнадцать. Встрепанный, взъерошеный, какой-то дерганный.

– Госпожа Ветана, помогите!

Я развела руками и быстро, пока никто не успел ничего сообразить, чмокнула Лима в нос.

– Извини, малыш. Работа.

Где там моя сумка?

Общаться с Линетт Моринар мне не хотелось. Мы слишком далеки друг от друга. Она – герцогиня, я лекарка, она из благородных, я из бедных, она из Белого города, я из Желтого…

Ни к чему.

Ах, вернуть бы те золотые времена, когда о моем даре не подозревал никто, кроме бабушки! Но это невозможно.

Интересно, думала ли бабуля, что получится вот так, что меня закружит и понесет, словно щепку в водовороте? Нет, вряд ли. Могла предполагать, это вернее. С высоты жизненного опыта и мудрости могла просчитать ситуацию, но и только.

А вот как из нее выпутываться?

Не знаю, ничего не знаю.

* * *

Мужчине было за восемьдесят. Старик лежал на кровати и тихо умирал, это я видела.

Меня встретили четыре пары внимательных глаз.

Красномордый дядька лет сорока – явно пьющий, явно сын; толстая тетка тех же лет, похоже – любящая мать и невестка, и парень постарше. Внук? И старший брат мальчишки, который меня привел?

Да, вполне возможно.

Четвертая пара глаз принадлежала мужчине лет сорока. Такому… самое подходящее определение было – чернильная душа. Темная простая одежда, пятна чернил на руках, кисловатое выражение лица… Стряпчий? Да, похоже.

– Вот! Умирает!

Сказано это было таким тоном, словно я лично состарила бедолагу, загнала его в гроб и поплясала на крышке.

Я подняла брови. Подсела к мужчине, коснулась руки… М-да. Безнадежно? То самое слово.

С рыжим вором, который умирал, и то было проще. Там был расколотый сосуд, здесь – осколок черепка. Не то что воду не нальешь, даже и пара капель не задержится. Смерть глядела на меня из провалов глазниц, и я не имела права спорить с ней.

Не сейчас, нет.

На своем опыте я постигла горькую истину. Всех не спасешь, и, спасая безнадежных, ты растратишь силы, нужные тем, кто еще способен справиться с болезнью.

Кому решать о надежде? Лекарю, и только лекарю. И горькие же это решения… ивовая кора – и то слаще. Я подняла глаза на родственников.

– Его уже не спасти. День, может, два. Все, что я могу сделать, – дать ему снотворное. Пусть отойдет без мучений.

– Да зачем нам ваше снотворное?! – возмутилась тетка. – Вы ему, наоборот, посильнее чего дайте!

Чего – сильнее? Яда? Кажется, эти мысли так четко отобразились на моем лице, что мужчина оттеснил жену и заговорил. И через пару минут я поняла, что яд – не самое худшее. Ой не самое… Любящие р-родственнички, Темного крабом!

Мужчина был одинок. Семьи не нажил, детей тоже, это все дети и внуки его брата, которым он должен был оставить наследство. А кому еще? Не государству же?

Им, и только им.

Обещал вот, да не успел, а они уж и стряпчего пригласили, и все готово… Так вы, девушка, дайте ему что посильнее, чтобы в себя пришел да завещание составил, а потом пусть подыхает! Кому он нужен – без наследства?

Была бы я действительно сильной, я бы сделала так, чтобы они ни наследства, ничего не получили. Чтобы поднялся дед, да и прожил еще десять лет.

Не могу. Нет таких сил, и я не бог…

Видимо, прочитав это по выражению моего лица, мужчина даже попятился. А я медленно встала, отпустила сухую старческую ладонь и, не прощаясь, не обращая внимания на истошные крики тетки: «Тоже мне! Лекарка! Сопля зеленая, а нос дерет!» – не замечая взгляда стряпчего, вышла из дома. Ветер ударил в лицо, потрепал за волосы, привычно принес с собой запах моря. Он залетал сегодня с утра в гавань, покружился над портом и теперь прилетел тереться о мою щеку, рассказывая, что новенького в городе. Он отвлекал от горестных мыслей, но даже у него это получалось плохо.

Мне было очень тошно и очень больно. Маги жизни спасают людей от болезни. А кто спасет их от самих себя?

* * *

Приближенный Фолкс был великолепен! Он воздевал руки и возводил очи горе. Он стонал и вздыхал так, что разжалобил бы даже акулу. Он вопиял и стенал, и от чувства в его голосе прослезились бы даже призраки. Он требовал! Покарать святотатца! Больно покарать! И можно даже два раза, ради такого случая Храм одобрит некромантию!

Его величество внимал со всей возможной благосклонностью. И соглашался. Конечно, покарать! Ишь ты, взяли моду, на людей с ножами бросаться! Не на людей, конечно, а на храмовников, но… их тоже жалко. А вдруг одумаются? Хотя вряд ли. Храм, как и всякая криминальная структура, не отпускает тех, кто попал на крючок. Но не убивать же дураков?

Так что его величество согласился покарать негодяя Артау смертью мучительной и перешел в атаку:

– А правда ли, приближенный, что вы решили молельни при лечебницах открыть?

– Да, ваше величество.

– Замечательно! Отличное начинание! Надо бы и в других городах такое сделать!

Приближенный скрипнул зубами, но поклонился. Интересно, что ему скажут коллеги из других городов? Ой, точно ничего хорошего. Обидятся, начнут предъявлять претензии, а им в ответ и показать нечего. Мага жизни он пока не нашел…

– Я напишу, ваше величество.

– Вот и замечательно. Жду отчета в ближайшее время. Сколько молелен открыто, в каких городах, при каких лечебницах… И – да! Пусть ваши люди обязательно работают в лечебницах не меньше, чем по двое – по трое.

– Ваше величество?

– Молитва – это хорошо, но рабочие руки нужны всегда! Мало ли? Полы помыть, принести чего…

Его величество смотрел на исказившееся от злобы лицо храмовника и довольно улыбался. А ты как хотел, гад? Молиться – и все? Не-ет, ты ручками поработай. Поганые ведра повыноси, язвы попромывай, больных потаскай… И посмей только отказаться!

Да и вообще… Надо бы подумать над законом. Желаешь уйти в Храм от мира сего? Изволь перед этим год отработать на благо государства. Там, куда оно тебя поставит. В лечебнице, в приюте для сирот, в доме призрения… Лучшая молитва – это молитва делом! Нет дела? Так я вам найду работу!

Приближенный уже и сам не рад был, что пошел жаловаться, но его величество добил бедолагу окончательно:

– Я лично проеду по лечебницам. И если увижу, что ваши подчиненные отлынивают от своих обязанностей… Вы меня поняли, приближенный?

Не понять было сложно.

Приближенный вышел от короля мрачнее тучи, плюнул на пол и принялся раздумывать. Кого бы поставить в лечебницы, чтобы жалко не было? Если его величество прогневается?

А маг жизни…

Вот пришлют других магов, тогда и искать будем. Маг – это зверушка редкая, в храмах особо не приживающаяся, тем более в Раденоре, да и Фолкс свои резервы исчерпал. Теперь если и искать – только обычными методами. Авось и вернее окажется?

* * *

Проводив приближенного, его величество вызвал к себе канцлера. Усадил в кресло, налил сока и без обиняков поинтересовался:

– Что там с девочкой?

– Плохо, – пожал плечами Алонсо. – На мое предложение она не согласна, дворянство ей не нужно, к Лиму она отнеслась очень хорошо, но и только. Линетт сказала, что она сбежала к какому-то больному прямо с облегчением… Не знаю, Рик. И оставить ее нельзя, и давить не стоит, и…

Его величество саблезубо улыбнулся:

– И что бы вы делали без мудрого короля?

– Жили бы под властью глупого короля? – Давняя дружба позволяла еще и не такие шутки. – Ты что-то придумал?

– Разумеется…

На стол лег свиток. Алонсо прочитал. Потер лоб. Выругался в три этажа с завитками и восхищенно уставился на друга.

– Рик, ты гений!

Его величество поигрывал кончиком косы.

– Спасибо, я знаю.

– Мы сразу же решаем все наши проблемы. И привяжем ее к Алетару, и дадим защиту, и… согласится ли она?

– Думаю, да. Но ты же это проверишь?

– Конечно!

– И лучше сегодня же вечером.

Алонсо кивнул:

– Как приятно быть умным канцлером при хорошем друге! А быть таковым при умном короле – вдвое лучше!

* * *

Стук в дверь был для меня вполне привычным. А вот канцлер на пороге – нет.

– Ваша светлость? Проходите…

– Благодарю, госпожа Ветана.

Я предложила канцлеру присесть и захлопотала, ставя на стол взвар и плюшки.

– Как самочувствие, ваша светлость?

– Благодаря вам, госпожа Ветана. Благодаря вам. Сейчас ищем того, кто мне… помог.

Я развела руками. Мол, и рада бы, да точно не помогу. Не мое…

– Госпожа Ветана, я к вам извиниться приехал.

Чашка жалобно сказала «дзын-н». Я опустилась на колени рядом с черепками – ноги вдруг держать перестали. А тут и повод хороший усесться…

– Ваша светлость?

– И за себя, и за жену, да и за Рамона. Вы уж на нас зла не держите, госпожа Ветана?

Я только головой помотала:

– Да что вы, ваша светлость!

– Поймите нас правильно. Маг жизни – редкость. Ну и…

– Перестарались, – мягко подсказала я, видя, что канцлер пытается подобрать определение. Все я понимаю, просто участвовать не хочу.

– Да, госпожа Ветана. Именно перестарались. И… вы же разрешите мне исправиться?

– Ваша светлость, не стоит переигрывать, – вежливо предостерегла я.

Канцлер сверкнул зубами в улыбке. М-да, Линетт я понимала. Тут есть за что любить.

– Ну, попробовать я должен был. Итак, Вета, у меня к вам предложение.

– Какое?

– Скажите, а вы хотите быть – Моринар?

Я аж головой замотала.

Вот спасибо! Сейчас во всей фамилии один Палач не женат. То еще приобретение! Кому бы сплавить, хоть с доплатой? Нет уж, спасибо…

Канцлер наблюдал за мной с легкой улыбкой, видимо, прекрасно понимая, о чем я думаю. И когда я уже открыла рот, чтобы отказаться, добил:

– Ветана, я вас просто удочерю.

* * *

Вот теперь мне поплохело окончательно. Я упала на стул и поглядела на канцлера умоляющими глазами.

– За что?

– Официально – за оказание мне помощи. И не спешите отказываться, Вета. Подумайте об этом с другой стороны. Я – глава фамилии, в качестве Ветаны Моринар вы будете подчинены только мне. Я не заставлю вас выходить замуж или делать что-то неприемлемое для вас. Зато вы сможете заниматься лечением больных и дальше…

– А больных будете подбирать вы, ваша светлость?

– Частично. О том, что вы маг жизни, рано или поздно станет известно, и в качестве дочери канцлера, герцога, да и представительницы не самой дружелюбной фамилии… кстати – кузины Того Самого Белесого Палача…

Меня прорвало.

Истерический смех вырвался наружу, и канцлер протянул мне чашку со взваром.

– Вы не волнуйтесь так, Ветана. Рамон, конечно, не дар Светлого, но вы же будете членом его семьи. А к своим он относится очень… трепетно.

Вот это слово у меня меньше всего вязалось с Палачом.

Видимо, канцлер прочел это на моем лице, потому что вздохнул:

– Вета, я Рамона оправдывать не буду. История там была нехорошая, и во многом он виноват сам… Вы ее знаете?

– Я не собираю сплетни, ваша светлость.

Алонсо посмотрел чуть насмешливо:

– А я их не распространяю. История там была грустная. Вы знаете про бунт герцога Корвина?

Я покачала головой.

– Рамон был помолвлен с его дочерью. Они на свадьбу ехали, попали на мятеж. Его родителей убили, Рамона не добили, тяжело ранили и с собой забрали. Для торговли…

– Его величество пошел бы на переговоры?

– Нет, – слово упало камнем. – Его величество пришел бы однажды ночью, и на месте замка остались бы лишь руины. И ужас, веющий над ними. Но не успел. Никто не успел. Когда Рамон пришел в себя, когда понял, для чего его приглашали в женихи, когда осознал все… он инициировался как маг огня. Знаете, как это бывает?

Я помнила, как это бывает у магов жизни. Но огня?

– Он сильный маг. Очень сильный. А на волне боли от предательства, смерти родных, обиды, подлости… он вспыхнул. И на месте замка остался пепел. Только пепел. Рамон никого не пощадил… наверное.

Я вскинула брови:

– То есть?

– Это пробуждение дара. Он ничего не помнил, вообще ничего. Поседел в тот день, и огонь свой он с тех пор контролирует плохо. Да и характер у него не сахарный. Огневики – они такие, вспыльчивые…

– А почему – Палач?

– Мы с его величеством посовещались и решили, что это станет официальной версией. Рамон пришел к бунтовщикам, предложил им сдаться, а когда они отказались, выжег весь замок.

У меня горло перехватило. Да уж! Мальчишка, который только что инициировался как маг, потерял родителей, любимую, убил кучу народа – и из него же еще пугало сделали? На всю страну ославили? Я даже не смогла спросить – зачем?!

По счастью, канцлер догадался:

– Вета, а как вы себе это представляете? Власть должна быть сильной, это же просто. Если кто-то узнает, что с Моринаром можно поступить подобным образом… Где один, там и второй, там и третий… Лучше напугать всех сразу, чем потом убивать каждого, решившего рискнуть. Рамона стали бояться, да и ему так было проще. Знаете, когда… Ладно, не буду говорить «любимая». Лорен Корвин он не любил, разве что терпел рядом, но парой они были хорошей, по сговору, Рамон свыкся с мыслью, что они проживут вместе долго-долго. Так вот, когда твоя женщина издевается над тобой – это еще не так ужасно. А когда тебе показывают головы твоих родителей… Это Рамон еще помнил.

Я вздохнула:

– Я понимаю, ваша светлость.

Понимала и больше. Зачем он мне это рассказывает.

Чтобы я пожалела. У женщин ведь жалость – это половина любви. Только вот не готова я прожить свою жизнь из жалости, никак не готова. Мне хочется быть счастливой…

– А раз понимаете, Вета, так подумайте. Я предлагаю вам защиту рода, семью, пусть немного… сложную, но мы примем вас с радостью. Предлагаю любимую работу и жизнь в Раденоре. Разве мало?

– Мало, – честно ответила я. – Потому что на второй чаше весов окажется то же самое. Сейчас я свободна, и терять мне нечего. А потом?

– Свободна? – прищурился канцлер. – Свободна? Вета, да ты ни на секунду не свободна. Ты не можешь лечить открыто, не можешь завести друзей, не можешь даже замуж выйти, потому что рыбу за пазухой не удержишь, особенно если это акула. Ты же маг жизни, как скоро твой муж это поймет? Да мгновенно! И простит ли тебя за обман?

Я помрачнела. Крыть было нечем, я сама не раз об этом думала. Но и соглашаться…

– А в качестве члена семьи Моринар я не окажусь мишенью для убийц?

– Нет, – Алонсо покачал головой.

– Но кто-то же пытался отравить вас? Вы знаете, кто именно?

Пришла очередь канцлера мрачнеть.

– Не знаю. Но когда найду этого подонка, я ему горло порву.

Я провела рукой по волосам.

– Ваша светлость, давайте договоримся так? Я всесторонне обдумаю ваше предложение и приму его или отвергну. А вы найдите, пожалуйста, убийцу! Он ведь работает рядом со мной…

В переводе на простой и понятный язык, это звучало так: «Мало ли что вы мне предлагаете! А докажите-ка, что способны меня защитить!»

Канцлер понял это не хуже меня, помрачнел еще сильнее и распрощался. Я проводила его милой улыбкой. А вы как хотели, господин герцог? Чтобы я сразу и согласилась? Так не бывает… Я понимаю, что выгляжу не лучшим образом, что не стоило бы тянуть и кочевряжиться, но и переступить через себя не могу. Не хочу в клетку.

Хотя герцог прав.

Я уже в клетке, просто не хочу этого признавать. И выхода у меня, как ни печально, нет…

* * *

На человека, который стоял сейчас перед непосредственным начальством, приближенный Фолкс смотрел с омерзением. Даже не так. С… чувством глубокого и искреннего непонимания.

Вот зачем люди идут в храмовники?

Ну… кто за чем. Кто-то ради власти, кто-то для денег, кто-то для безнаказанности, а есть и вот такие ненормальные типы. Идут, чтобы служить Светлому. Каково? Сумасшедшие! Дурачье!

Паства для чего существует? Чтобы ее пасти, стричь, резать на мясо. А нести баранам какой-то свет… Да не свет им нужен, а поводырь, который не даст пропасть в этом сложном и загадочном мире. Люди-то идут в Храм чаще всего не ради молитвы. Как это ни забавно, но молятся – искренне молятся в храме, – дай Светлый, сотая часть прихожан. А остальные приходят по другим причинам.

По привычке – их предки так верили, они так верить будут, их дети и внуки в Храм ходить будут… Эти не задумываются, просто ходят, как приливы и отливы.

Из-за страха – вдруг там, за чертой, все именно так? Не отчистишь душу сейчас, то-то будет потом радости!

Из-за чувства собственной правоты и непогрешимости, из-за нужды в поводыре, из-за робости и нерешительности, из-за ощущения причастности к чему-то большому и важному…

Есть фанатики – мизерная доля, но есть. Эти бывают светлее самого Светлого, спустись он в Храм, так и его метлой погонят. А что? Ходят тут всякие, правильно молиться не умеют!

Истинно же верующие…

Не любил их Фолкс. Ни с какой стороны от алтаря. Хоть храмовниками, хоть прихожанами, не любил. Неприятно же, когда человек смотрит на тебя так, словно все тайны уже постиг. Нет! Даже не так! Словно он узнал самое главное об этом мире, а ты, недоумок, не догадался…

А что тут главное? В чем оно заключается? Да пес его знает! Но Светлый тут точно ни при чем! Иначе получится, что приближенный всю свою жизнь жил не так, не по тем заветам, и вообще – грешник. Так что нет его! И точка!

– Звали, приближенный?

– Звал. Садись, Ант.

Анта Оривса, одного из служителей, приближенный давненько сплавил за город и с радостью бы его еще сто лет не видывал. Не получалось. Характер у мужчины был пробивной, только не в ту сторону! Его бы силы в мирных целях – давно бы сам приближенным стал! А он какие-то глупости требует! То Храм починить, то денег на помощь людям выделить, то для детей что-то построить…

Чушь!

Вот когда прихожане в Храм несут – это понятно, это правильно. А храмовники должны о душе заботиться, уж точно не о всяких глупостях вроде бесплатной столовой для бездомных.

– Благодарю.

Ант опустился на край стула, замер, показывая, что весь внимание. Но на дне голубых глаз плескалось… внимание-то да, оно есть. А глубже дороги нет. И живет в глубине его глаз спокойствие, уверенность и даже снисходительность, что ли? Как будто родитель наблюдает за детскими играми.

– У меня есть для тебя задание. Поедешь в лечебницу для бедных…

Выслушав все, Ант нахмурился:

– Приближенный, у меня и своих дел хватает. Которые никто за меня не сделает.

– Да знаю я! Ты что просил – увеличить дотации на твою ночлежку? Я это сделаю… но и ты мою просьбу исполни!

Ант нахмурился, но спорить не стал. Подумал, прокрутил что-то у себя в голове…

– Хорошо, приближенный. Надеюсь, что это ненадолго?

– До окончания проверки. Потом вернешься к себе.

– Когда я должен приступать?

– Лучше уже сегодня.

Ант поклонился и вышел из кабинета. Приближенный посмотрел ему вслед.

Как лучше всего сбить со следа ищеек? Замутить все мысли, поменять мнение о Храме? Да просто отправить в эту лечебницу не шпиона, не соглядатая, не очередного мага, а искренне верующего дурака, который в своей вере и слеп и глух, словно крот. Зато не боится ни Светлого, ни Темного, ни тем более Моринаров (бр-р!) или короля (БР-Р)! И пусть покрутится там месяца два. Там и маги как раз приедут. Глядишь, что да выяснится!

Иногда и от истинно верующих польза бывает!

* * *

На прикованного к стене барона Артау королевский дознаватель смотрел с омерзением.

Гнида какая!

Вообще в своей жизни Элот Синор видел многое, и похуже видел, но кого королевский дознаватель не одобрял всей душой, так это сумасшедших. Маньяков. С его точки зрения, этих тварей надо было уничтожать – и быстро. Но раз его величество приказал, дознаватель будет возиться и не в такой грязи.

При виде дознавателя, барон поднял голову, но потом уронил ее обратно. Да уж, досталось ему… Не считая полученных еще до допроса синяков, шишек, сломанных костей и выбитых зубов, палач тоже внес свою лепту. Пальцы на руках – без ногтей, на них живого места нет, спина – в лохмотья. Одежда – остатки некогда роскошных штанов.

А сочувствовать все равно не получалось. Нет, не получалось.

– Доброго дня, господин барон, – поздоровался дознаватель.

Артау даже не шевельнулся, справедливо полагая, что явление Элота Синора в его положении ничего не изменит. А зря…

– Господин барон, вы виновны в убийстве двух храмовников и четырнадцати девушек, это только в Алетаре. Поэтому вас казнят. Я обязан объявить вам, как это будет. Вас выведут из камеры и отправят на главную городскую площадь, где в присутствии родичей погибших сначала лишат дворянского достоинства, потом будут пытать, а потом посадят на кол, пока вы не умрете. Но маги вас обработают, чтобы вы прожили не меньше десяти дней. Очень мучительно прожили.

Грязное ругательство можно было считать ответом. Артау даже не сомневался, что с ним так и поступят. Было ведь за что…

– Впрочем, его величество милостив. Вы можете уйти без мучений.

Артау приподнял голову. А вот это интересно…

Элот без излишней брезгливости взял с пола кувшин с водой, поднес к губам барона и помог напиться. Мужчина пил, дрожа и едва не задыхаясь. Понятное дело, не тюремщики ж о нем заботиться будут, а расковать барона тоже никто не позаботился, справедливо считая, что он к своим жертвам не лучше относился. Не сдохнет – и ладно.

– К тому же ваш род продолжится. И вы уйдете не бесчестно, а уважаемым дворянином.

– Что я должен для этого сделать?

Артау уже не кричал о своих правах, о том, что ему кто-то что-то должен… Пообломали.

– Жениться.

В жабьих глазках вспыхнул интерес.

– Жениться?

– Одна из ваших жертв выжила и носит вашего ребенка. Вы женитесь, признаете малыша своим, даете ему свою фамилию и наследство и уйдете с честью. Как барон, а не как кровавый убийца.

Глаза барона сверкнули.

– Эти шлюхи сами виноваты!

Элот спорить не стал. К чему? Сумасшедший никогда не поймет, в чем его вина. Можно его запугать, замучить, изуродовать, но он всегда останется прав, так уж устроена логика безумца. Не стоит убеждать его, опускаясь на тот же уровень.

– Вы согласны на предложение его величества?

Разумеется, барон был не слишком согласен. Сначала он попробовал поторговаться за год жизни, месяц… даже просто десять дней. Элот качал головой.

Сошлись на трех днях, за которые утрясались все формальности, заключался брак и оформлялось завещание. Эти дни барон проведет не в тюрьме, а в апартаментах двумя этажами выше – есть и такие, для особо ценных узников. Покончить с собой ему там не удастся, за ним будут наблюдать, но все же это лучше, чем каземат с соломой, крысами и прочим.

Маг для лечения?

Нет. Лекаря вам дадут, но и только. К чему тратить магию, если вы все равно умрете?

Госпожа Ветана? Хм-м… не знаю. Почему именно этот лекарь? Ах, она тоже из Миеллена? Хорошо, как скажете, господин барон.

Ох, сколько таких повидал Элот Синор. Не безумцев, нет. Неглупых людей, которые пытались выторговать время в надежде то ли на чудо, то ли на свою сообразительность, то ли…

Все они заканчивали одним и тем же. Так что Элот торговался с чистой совестью. В Алетаре подонков не отпускали на свободу ни за какие деньги.

* * *

– Люди добрые, не проходите мимо!!!

Вопль был таким неистовым, что у меня даже уши заложило.

– Ой, лишенько-горюшко, сироту обидели!

Кричала тетка, вцепившись в мою руку, кричала истерично, с кликушескими интонациями, собирая толпу и явно надеясь на сочувствие к себе, а я смотрела удивленными глазами.

Впрочем, недолго.

Руку я вырвала, и пощечину тетке залепила такую, что та села на попу и принялась быстро-быстро отползать от меня, перебирая по земле толстыми ляжками и так же вопя. Вот ведь талант!

Народ собирался быстро. Тетка продолжала вопить, в толпе показались кольчуги стражников…

– Что случилось?

Господин Самир протолкался через толпу, как кит через мелких рыбешек.

Я пожала плечами:

– Самой бы хотелось знать. Прихожу на работу, а тут меня выйти зовут, за руки хватают, кричат, обзываются всячески… Хоть сказали бы, за что?

Долго упрашивать женщину не пришлось.

– Да убивцы вы! И гнездо ваше убивческое!!!

Палец недвусмысленно указывал на лечебницу. Господин Самир посмотрел на толстуху.

– Не понял? Кого убили?

– Так мамку мою!!!

Я помотала головой:

– Простите, господин Самир, я пока ничего не понимаю. Могу только поклясться, что не убивали мы ни мамок, ни теток…

И немудрено, что я удивлялась. Я ведь даже работать начать не успела, ни на обход не попала, ничего… Просто вошла в лечебницу, а тут на меня кидаются, вцепляются и орут. И за что?

– Да как же! Не знаешь ты! Гадюка лекарская! Небось сама ее и притравила!!!

Я только головой помотала:

– Не понимаю…

– Так, господа, – проявил власть господин Самир, глядя на мою растерянность, – все разошлись! А вы, дама, пройдите-ка сюда!

И впихнул женщину в небольшую палату, которая пустовала. Стояла пока с открытой дверью, проветриваясь от запаха щелока.

Харни Растум себя ждать не заставил.

– Что тут происходит?

Женщина опять принялась орать, но как-то без огонька, и господин Самир, рявканьем и понуканием добился истины.

Сегодня ночью умерла Аликса Ильви.

Вот тут я пошатнулась:

– Умерла? Как?!

– А то ты не знаешь, пакость мелкая!

Я не знала. Более того, была уверена, что Аликса проживет еще лет пять. Я же в нее вливала силу, сама! Она должна была почувствовать себя лучше!

– Не знаю, – выпрямилась. – Господин Самир, господин Растум, готова поклясться в Храме, что известие для меня неожиданно. Более того, я была уверена, что проблемы госпожи Аликсы не вели к смерти. Она должна была выздороветь! Что с ней случилось?

– Что тут происходит?

Бертен вошел в палату уверенными шагами, и я едва не бросилась ему на шею от облегчения.

– Берт, говорят, госпожа Ильви…

– А, эта? Бабка с переломом?

Харни кивнул. Меня это определение покоробило, но…

– Она ночью умерла. Кровяной сгусток, наверное, оторвался.

Я покачала головой. Не верю, нет, не верю! Только не после моей помощи! Даже если и были у нее где сгустки, все равно разошлись бы в крови! Не верю!

– Я могу ее увидеть?

– Да, конечно, – Бертен кивнул. – А что не так?

Объяснять ничего не стала, вместо меня заговорил Растум:

– Просто сгусток?

– Да, похоже на то.

– Значит, мы здесь ни при чем. Идите-ка домой, госпожа…

– Да?! – завелась злобная баба. – Мамка не в себе была! А вы… А эта девка…

– Язык придержи! – процедил Бертен.

Я ничего не понимала. Истина выяснилась спустя пару минут. Из-за смерти матери баба не негодовала бы так, но Аликса Ильви оставила завещание. Оставила все имущество, которое у нее было, своей внучке, назначила меня (меня? За что?!) душеприказчицей, а свидетелями завещания стали… Линда Морли? Карнеш Тирлен?

Ничего удивительного в этом факте не было, у нас в лечебнице много чего происходило, и стряпчий у нас по соседству работал, но… почему меня? Что я такого сделала?

Разумеется, придя к умершей матери, тетка обнаружила завещание, прочитала его и впала в неистовство. Конечно, как же! На святое покусились, на деньги! На ее наследство!

И почему никто не думает, что их наследство – это чье-то трудом и пóтом нажитое? И распорядиться своим имуществом человек может по своему усмотрению.

Тетку понесло. Впрочем, это было неглупо. Обвинить меня в смерти госпожи Ильви, нашуметь, накричать, а там, пока разберутся, пока меня выпустят из темницы, много воды утечет. Можно и домик продать, и уехать куда подальше…

По счастью, Харни никогда не поверил бы ни во что подобное. Или?..

– Я хочу знать, от чего умерла госпожа Ильви.

* * *

Аликса лежала на кровати. Тихая, спокойная, руки вытянуты вдоль тела, глаза закрыты. Рядом суетился какой-то храмовник, расставлял свечи, доставал склянку с маслом…

Я бестрепетно прошла к кровати и откинула простыню. Ах, жаль, что я не могу выпустить на волю свою силу. Но чего нельзя, того нельзя. А что можно?

А вот это…

Тщательно осмотреть тело, принюхаться, даже в рот залезть…

– Дитя света, зачем ты тревожишь это тело?

Я перевела взгляд на храмовника. Немолод. Даже уже почти стар, с коротко остриженными волосами оттенка «соль с перцем», резкими чертами лица, острым подбородком и острым же носом… А вот глаза ярко-голубые, чистые, пронзительные.

– Чтобы узнать, от чего умерла Аликса Ильви.

– И от чего же?

– От удушья, – уверенно сказала я. – Это не тромб, это удушье.

Храмовник отставил свечу и подошел ко мне.

– Почему ты решила так?

– Тут кровоизлияния. От нее не пахнет ядом, это верно, но… подозреваю, что ее придушили или подушкой… Нет? Где она?

Я переворачивала подушки на кровати, но бесполезно. Посмотрела на соседней кровати – нет. Иногда одиночество может сослужить и плохую службу. Лежал бы с ней кто в палате, может, и уцелела бы бабушка, а так…

– Ей просто закрыли ладонью рот и нос и держали так, пока она не задохнулась. Сволочи… Вот и кровоизлияния в глазах… Она сопротивлялась, сколько смогла.

– Ты уверена, дитя света?

Я молча кивнула, забыв о том, что разговариваю с храмовником, то есть априори с врагом. Слишком уж неприятно было. Вот за что убили бедную женщину? За хибару? За паршивый домишко, не тем будь помянут?

Сволочи!

– Стража уже знает?

– Знает. – Господин Самир, последовавший за мной, мрачно смотрел с порога. – Госпожа Ветана, вы уверены?

– Более чем.

– Тогда я приглашу ребят, да и заберем тело для осмотра.

Я вздохнула. Жалко было эту бабушку до слез. Господин Самир распоряжался, а мне на плечо легла теплая ладонь.

– Не плачь. Сейчас она там, где нет горестей. Говорят же, что те, кто принял мученическую смерть, отправляются сразу в Свет.

– Оставшимся от этого не легче, – отрезала я.

Храмовник покачал головой:

– Знаю. И от этого не станет меньше болеть. Уж точно не у тебя. Подумай о другом. Если бы ты не узнала, что ее убили, она бы осталась неотомщенной на земле.

– Вы призываете к мести?

– К справедливости. Кто я такой, чтобы мстить?

– Человек. Как и я, и она, и сотни тысяч других людей на земле. И если мы не спросим злодея, как он посмел, то кто же?

– Высший суд.

– Пусть он накажет злодея после смерти. А здесь и сейчас мерзавец ответит людям по всей строгости закона. И тогда убитые смогут успокоиться, а их родные – оплакать их без ненависти к убийце.

– В вашем сердце много горечи, госпожа.

Храмовник смотрел… спокойно. Без интереса, равнодушия, презрения, осуждения – как иконы смотрят на людей. Наши страсти, сколько их есть, не пошатнут их душевного равновесия. Вот и его внутреннее равновесие не могли пошатнуть ни смерть старухи, ни моя, ни даже его смерть.

Я не ответила. Зачем что-то доказывать человеку, который тебя не услышит? Лучше заняться своими делами.

* * *

Подслушивать нехорошо? Знаю, еще как знаю. Зато очень полезно. И я не нарочно, я просто мимо шла, к Харни. Увезли тело госпожи Ильви, ушел господин Самир, я хотела уточнить по поводу нового храмовника, вот и побеспокоила начальство. Кто ж знал, что у него сейчас Бертен?

Разговаривали они так громко, что я услышала даже сквозь массивную дверь. Хотела, как воспитанная дама, кашлянуть или поскрестись в дверь, но слишком интересен был предмет беседы.

– …Ильви? А ты не услышал?

– Я за ней приглядывать не обязан!

– Обязан! Работаешь здесь, значит, обязан!

– Лечить я ее – лечил, а стоять над кроватью не нанимался! Пришли к ней родные, так и что ж?

– Эти родные не далее как вчера бабку чуть не до смерти довели! Вета рассказала! Вся лечебница знала, а ты нет? Приглядеть тебе лень было? Уши… забило?

Бертен ответил такими выражениями, что даже меня покоробило. Харни же и ухом не повел.

– Ты мне скажи, как получилось, что ты их пропустил? Не идиот ведь, прости Светлый!

Молчание. А и правда – как? Дежурство было Бертена, почему такое стало возможным? Не понимаю. Нет, не понимаю…

– Ну… это…

– Тарку, что ли, понужал?

Я замерла у двери.

Бертен – и эта шлюха? В груди словно кусочек льда застрял. Ну ответь же что-нибудь! Ответь! Скажи, что это не так, что Харни ошибся!

Но Бертен молчал, и в груди болело все сильнее.

– А мне казалось, что у вас с Ветой все серьезно?

Мне тоже так казалось. Показалось?

– У нас – серьезно, – возразил Бертен. – А это… так. Мы же пока еще не женаты!

– А когда женишься, думаешь, Вете понравится работать с девкой собственного мужа? Уж сколько говорено: не блуди, где работаешь…

– Кто б мне говорил, – хорохорился Бертен.

– Что позволено кракену, не позволено мойве, – парировал Харни. – У меня жена здесь не работает. А ты – дурак.

Бертен что-то бубнил на тему: «она сама, что ж отказываться было?», но я уже отошла от двери. Все и так ясно.

Тамира предложила, Бертен не отказался, они кувыркались на диване, а в это время убивали Аликсу Ильви. С Тамирой у Бертена все несерьезно, рассчитывает он на меня, но пока я его не пустила в свою постель…

В груди словно нерв защемило, и я растирала область чуть пониже воротника судорожными движениями. Больно и противно.

Что ж, надо избавляться от этого ощущения. Например, поработать.

* * *

Я разбирала травы, привычно прикидывая, что и куда годится… Харни, хоть его озолоти, не будет закупаться у хороших травников, потому что там дороже. Вместо этого он нагребет погрызенных мышами веников и будет считать свой долг исполненным.

Вот куда этот зверобой? Он же обтрепанный, словно им окна обметали. Заваривать? В мазь я его уже не положу, а заваривать может и сгодиться. Земляничные листья перебирать надо, они пополам с корнями. Их что – просто драли? Вот паразиты! Небось и растили-то у себя на грядке. Крупноваты они для лесной и пахнут не так…

Ладно, положим побольше…

Мысли текли ровно. Лучше думать о травах, чем о том, что нельзя изменить. Упорно думать о травах, серьезно, поворачивать каждую мысль то так, то этак, чтобы другим в голове места не нашлось.

– Вета, ты занята?

Бертен смотрел на меня странным взглядом.

– Нет, проходи, – откликнулась я, размышляя, что делать с ландышем. Ведь половина цветков попадала… Интересно, это его хранили через пень-колоду или собирали, когда он отцветает? Если второе, это плохо, это, считай, сорняк. Он же дико ядовит… Чуть больше, чуть меньше, да и даем мы его сердечникам… Придется полаяться с Растумом, пусть купит у проверенного человека хотя бы самые опасные травы.

Паразит! Ведь знает же…

– Вета, ты меня не слушаешь?

Я обернулась к Бертену с самым извиняющимся выражением.

– Прости, пожалуйста. Я задумалась. Так о чем ты?

– Ты выйдешь за меня замуж?

Не могу сказать, что предложение стало для меня неожиданностью или повергло в шок. Ответ я уже знала. Минут десять, как знала.

– Прости, Берт.

– Почему?

И как тебе ответить правду?

Потому что ты спал с Тамирой? Да, это верно. Но есть и другие причины.

Потому что я из другого мира, затащить в который тебя не получится и у лошадиной упряжки? Ты умный, хороший, добрый, но ты не аристократ, ты не знаешь того, что мы впитываем с молоком матери, а чтобы основать свой род, у тебя тоже не хватит сил. Ты не поднимешься в мой мир и выпадешь из своего, сделав нас обоих несчастными. К чему?

И… я не люблю тебя. Никого не люблю, поэтому могу судить здраво. Если уж отдавать свою свободу, то тому человеку, который сможет меня защитить. Да и себя тоже.

Я представила реакцию канцлера на известие о моей свадьбе с Бертом и еще больше укрепилась в своем решении. Убьют ведь. Его, понятно, не меня.

Думала, видимо, слишком долго, потому что Берт шлепнул ладонью по столу.

– Я для тебя недостаточно хорош, да?

Я покачала головой:

– Нет. Это не так.

– Тогда что? Герцог тебе больше предложил? И как? За ночь – или вообще?!

Меня передернуло:

– Герцог сделал мне недопустимое предложение, которое я не приняла и не приму. Так же как и твое. Давай закроем эту тему?

– Ну уж нет! – Обычно спокойные глаза Бертена горели нехорошими огоньками. – Давай проясним все до конца, Веточка. Ты не отказывалась со мной встречаться, вертела хвостом, а теперь в кусты?

– Я тебе ничего не обещала, если помнишь.

От моего тона разве что ландыш инеем не покрывался. Впрочем, Бертена такие мелочи не останавливали.

– Еще бы! Героиня! Спасительница! С грамотой и наградой от короля! А я кто?

– Думала, ты мой друг, – грустно произнесла я.

Бертен, конечно, расстроится, ну да ничего, найдется, кому его утешить. Найдется, никуда не денется. Хоть бы и той же Тамире.

– А я не хочу быть другом! Не хочу! Мне больше надо! – рявкнул Бертен.

Я и опомниться не успела, как меня притиснули к сильному мужскому телу, а чужие губы накрыли мой рот.

* * *

Романы врут.

Злобно и бессовестно, могу это утверждать со всей ответственностью. Там написаны всякие глупости, вроде «Брунгильда обмерла», «Элоиза потеряла от шока сознание», «…сначала Изельда была в ужасе, но потом начала испытывать странное чувство, быстро перерастающее в наслаждение…».

Видимо, я не героиня романов, потому что я уже примерилась пнуть Бертена в колено, больно и сильно. Я бы и сразу, но, во-первых, юбка помешала, а во-вторых, тут надо прице-

литься, чтобы точно попасть. Что вообще за наглость – доказывать поцелуями свою правоту? Пф-ф!

Вот лично я правоты определить не могу, а что Бертен ел на завтрак козий сыр – теперь точно знаю. Хоть рот бы прополоскал, герой-любовник.

– Навязывать себя девушке недостойно, чадо Света.

А это что еще такое?

Бертен и не подумал меня отпускать, разве что от губ оторвался.

– Дверь с той стороны закрой, святоша!

– Не думаю, что стоит это делать, чадо.

– Хочешь, чтобы я тебя выкинул?

– Неужели рука поднимется на старика? Ай-ай-ай, чадо, что ж ты так душу-то свою поганишь? Девушек принуждаешь, слугам Светлого угрожаешь… Дальше-то что?

– Государственная измена, – буркнула я, ожесточенно оттирая губы.

Бертен разжал руки, взглянул на меня дикими глазами и рванулся к двери так, что едва не унес с собой храмовника. Тот вовремя увернулся и погрозил мне пальцем.

– Дитя Света, не стоит так поступать с мужчинами.

– Я сама…

Сейчас я бы загрызла любого, не то что храмовника, но следующие слова заставили меня рассмеяться в голос – и от души.

– Если бы ты его пнула, то пальцы бы отшибла, а ему ничего не сделалось бы. Туфельки-то у тебя легкие, матерчатые. Надо положить пальцы на глаза и надавить, тогда тебя точно отпустят. Или кусаться что есть сил, тоже помогает.

Храмовник смотрел на меня невинными голубыми глазами. Точь-в-точь как мальчишка, который успешно насовал за шиворот соседской девочке головастиков и удрал от наказания куда повыше. Неужели и среди них все же встречаются приличные люди? Когда позволяют себе быть людьми, а не служителями?

Усилием воли я подавила смеховую истерику.

– Благодарю за совет, служитель. Могу ли я предложить вам чашку взвара с медом в качестве более вещественной благодарности?

– А мед какой?

– Липовый.

– Предлагайте же, чадо Света, предлагайте!

Мне ничего не оставалось, как только хихикнуть – и предложить.

* * *

За взваром мы разговорились. Вскоре к нам присоединилась и Линда, которая выложила на блюдо собственноручно испеченное печенье (герой-любовник все еще поправлялся, и кормить его надо было сытно, вкусно и разнообразно), и принялась болтать со служителем Оривсом, как будто тысячу лет знакома.

Тот отвечал, отшучивался, улыбался, сам расспрашивал, и я не успела даже ахнуть, как Линда поведала ему все, что случилось за время ее работы в лечебнице. Хорошо, что я помалкивала, а то бы и сама не удержалась.

Специалист.

И при этом, видимо, не самый плохой человек. Содержит ночлежку при Храме, в пригороде, примерно в сутках пути от столицы, для тех, кому идти некуда. Насмотрелся там тоже всякого…

Храмовник! Опасность!!!

Порядочный храмовник – это такая же редкость, как семицветный кракен, все они преданы лишь Храму, так что молчи, Вета, молчи, за стенку сойдешь.

Сюда его направил своей волей приближенный Фолкс.

Зачем?

Да кто ж его знает, у начальства свои виды, свои идеи, а им, служителям мелким, только одно и остается. Идти да кланяться, кланяться да соглашаться. Служение такое.

Надолго ли?

Он надеется, ненадолго. У него и своих дел хватает. Вот освоится, с хозяйством разберется… А его предшественники чем занимались?

Линда покачала головой, мол – ничем, и освоиться толком не успели, – и тут же разболтала про меня и Артау.

Острый взгляд храмовника кольнул, словно шилом, и у меня по спине мороз побежал. А ведь может быть и такое… Сначала подсылали магов, потом маги кончились, видимо, дар это редкий и выгорает легко, а теперь пошли вот такие… душевные люди. Тем и опасен этот Оривс, что тянет ему душу открыть, о себе рассказать, поделиться…

И ведь человек-то неплохой, это видно. Неглупый, не злой, но – храмовник. И это страшнее всего.

Я думала до вечера. И ночью…

А утром все же решилась. Только сделать ничего не успела.

* * *

Стук в дверь для лекаря – рутина.

– Госпожа Ветана?

– Да?

– Вы не могли бы проехать с нами?

Стоявшие на пороге люди меньше всего походили на больных. Один – лет сорока, русоволосый, с карими глазами и приятной, располагающей к себе улыбкой на симпатичном лице, сразу видно – весельчак, душа компании. Второй – около двадцати пяти лет, серьезный, неулыбчивый и исполненный осознания собственной важности. Простая темно-синяя форма, у каждого герб Раденора на рукаве, на нашивке… Кто же это может быть?

– А куда и зачем?

– Позвольте представиться, – старший из двоих изобразил легкий полупоклон, – королевский дознаватель, Элот Синор.

– Очень приятно. Тойри Ветана, лекарка.

– Да, госпожа Ветана, мы знаем. От барона Артау.

Я медленно склонила голову:

– Это не лучшая рекомендация. Что вам угодно?

– Барон просил лекаря. Вас.

– Его помиловали?

– Нет.

Говорил старший, младший дознаватель помалкивал, изучая то мое лицо, то старшего коллегу. Недавно получил это звание и теперь набирается опыта? Да, похоже.

Я перевела дух. Не помиловали. Но тогда – что?

– Он хочет здоровым взойти на эшафот? – поинтересовалась я.

Элот Синор оценил шутку, медленно раздвинув губы в улыбке.

– Что-то вроде того, госпожа Ветана. Правосудие отсрочило его казнь на три дня, и ему нужен лекарь. Барон попросил вас, и поскольку это ни на что не повлияет, я решил удовлетворить его просьбу. Если вы согласитесь, конечно.

Я покусала губы. Не нравилась мне эта ситуация, но чем? Ладно, съезжу. Заодно буду уверена, что барон действительно сидит в камере и собирается умереть через несколько дней. Для душевного спокойствия полезно.

* * *

По дороге мы разговорились со старшим дознавателем. Тот был в курсе нашей ситуации, знал, что барон принял меня за свою невесту, и относился к этому даже с легким юмором. Все бы маньяки так ловились! Приятно даже! А то ищешь, работаешь, бегаешь, ноги сбиваешь…

Помилование? Это – нет. Может быть отсрочка приговора, такое бывало, если человек выдает нечто ценное для короны. Так называемое «королевское помилование». Но – неполное. Его величество строго относится к соблюдению законов, очень строго. Барону дали три дня, а потом на казнь. Не публичную, это он тоже выторговал, да его величество и не любитель публичных казней. Без пыток – это тоже входит в сделку. Но – и только.

Так что в камеру я входила почти спокойно.

Артау лежал на кровати, прикованный за обе руки, чтобы точно не дернулся. Я чуть поклонилась – как простолюдинка при встрече с высокородным.

– Господин барон.

Артау обжег меня взглядом, в котором смешалось – что? Ненависть? Да, и она тоже. Ненависть, похоть, зависть… Что-то еще, едва уловимое.

– Привели-таки…

– Вы заключили сделку с правосудием, и оно выполнит все взятые на себя обязательства, – пафосно провозгласил Элот Синор.

Но оставлять нас одних и не подумал. Правильно, я его об этом и просила по дороге, мало ли что придет барону в голову?

Я профессионально принялась осматривать пациента, мимоходом отметив, какими заученными стали движения. Лечебница пошла мне на пользу. Артау молчал, сверлил меня глазами, но молчал.

– У вас сломаны два ребра. Нужна тугая повязка. Синяки… оставляю мазь. Она с обезболивающим эффектом. И вот еще травяной сбор, заваривать и давать два раза в день, он тоже снимает боль. Господин Синор?

– Хорошо, распоряжусь.

– Тогда мне больше нечего добавить.

Я выпрямилась. Барон прищурился.

– А я могу кое-что предложить. Госпожа Ветана, хотите стать баронессой?

* * *

Я не рассмеялась. Даже слова не сказала, но что-то, видимо, промелькнуло на моем лице, потому что Артау зачастил:

– Я могу это предложить. Меня скоро казнят, так что вы выходите за меня замуж! Мы проводим вместе одну ночь, благо маги воды могут обеспечить зачатие, и я…

Я развернулась – и молча вышла из камеры. Господин Синор посторонился, а в ответ на мой взгляд покачал головой:

– Клянусь, я не знал.

– Верю.

Скорее всего, это был план именно Артау. Или убить меня, или как-то получить свое, или…

Боль – она ведь не только физическая бывает. Если бы я согласилась, меня бы это… изуродовало? Да, наверное, это правильное слово. Кто-то мог и согласиться, а я не могу. Потому Артау меня и выбрал – помучить напоследок.

Из тюрьмы меня выпустили мгновенно. Правда, пришлось рассказать двум стражникам, где я принимаю – хотели прийти, показаться лекарю. У одного явно был начинающийся радикулит, это и без дара видно, у второго проблемы с желудком. Судя по цвету лица, по симптомам – язва в зачаточном состоянии. Придет – погляжу.

Я шла по улице, чувствуя, как утихает боль.

Мразь, какая же мразь этот Артау. Не знаю, чего он добивался своим предложением, но было противно. Ей-ей, принять предложение Моринаров стоит только для того, чтобы вот такие… закончились. И обдумаю этот вопрос.

* * *

Когда перед тиром[2] Сентаром на стол легло письмо, правитель Тиртана едва сдержался. Изложенное было… непростительно.

Король Раденора требовал трея Лантара вместе со всеми, кто участвовал в работорговле, вернуть всех рабов и выплатить компенсацию. Требовал в жестких, ультимативных выражениях, не оставляющих простора для дипломатического маневра. Требовал так, что становилось ясно – не помилует. И не договорятся они, как равный с равным, просто потому, что в Раденоре правит мерзкая нечисть. Некромант, а то и вовсе демон… тьфу! И эта нечисть совершенно определенно считает себя выше и сильнее тира Сентара. Более того, не просто считает, она и есть – выше и сильнее.

Тир медленно выдохнул, потом вдохнул, потом опять выдохнул, махнул рукой секретарю и скрылся за занавесью, которая вела в глубину дворца.

Секретарь перевел дух. Повезло. Да, на этот раз ему повезло. Мужчина точно знал, что произойдет сейчас на женской половине и как не повезет той, на которую упадет взгляд тира. Его величество и так отличался своеобразными привычками в любви, а уж сейчас, будучи в ярости…

Что там будет за рабыня? Как все это произойдет?

В одном секретарь не сомневался – смерть ее будет долгой и мучительной. А ему можно часика три отдохнуть, все равно раньше он не понадобится.

Так и оказалось.

Вернувшийся спустя три часа тир был уже спокоен и доволен жизнью. Разве что на оправе одного из колец, там, где камень смыкается с металлом, запеклась кровь, но кто будет обращать на это внимание? Главное, тир опять мог спокойно размышлять над ультиматумом. Прочитать его еще раз, побагроветь, но не сдвинуться с места, а спокойно перечислять по пунктам.

– Трея Лантара я выдать могу. Но вызову бунт. Выплатить деньги – немыслимо. Казна пуста. И вернуть рабов – тоже. В противном случае нам угрожает война с Раденором… Что ж, не хотелось бы, но… Шорк, напиши, что мы готовы урегулировать вопрос компенсации. Если королю Раденора нужен трей Лантар, он его не получит. Но труп выдать можем, почтенный трей зажился на этом свете, скоро за ним придет служитель смерти. Рабов не вернем – ибо не имеем представления о маленьком предприятии трея. Предложи пока что-то одно, а там… посмотрим. Надо поторговаться.

Секретарь подумал, что эти торги будут стоить жизни еще нескольким десяткам рабынь из тех, кого не желает отдавать тир, но кому до них какое дело? Рабы же! Кто в здравом уме будет думать о рабах?! Это как о табуретке думать. Нелепо и глупо!

---

[2] Тир – королевский титул Тиртана. Трей – вельможа (*прим. авт.*).

Глава 2

Харни вызвал меня сразу после обхода.

– Вета, присаживайся. Нам надо поговорить.

Я кивнула и опустилась в уютное кресло.

– Взвар будешь? Или вина?

– Нет, спасибо. Что-то случилось?

– Да так… Ты ведь Берту отказала?

Скрывать правду не стала:

– Отказала. Это все, что вас интересует?

– Нет. Из-за чего?

Все причины я перечислять не стала, выбрала одну:

– Предпочитаю, чтобы мужчина, ухаживая за мной, не отвлекался на других.

Харни пришлепнул ладонью по подлокотнику:

– Говорил я ему, кретину! Тамка?

Я промолчала, глядя в угол. Харни вздохнул, голос его стал почти отеческим.

– Вета, милая, с каждым бывает. Мы ведь мужчины, а не служители. Оскоромился парень, а ты прости его!

Покачала головой. Мол, не могу, и говорить тут не о чем.

– Ты не думай, так бывает. Всех нас, что котов, тянет по весне на помойку. Побегаем, задрав хвост, поорем, да и домой, на мягкий диванчик. Жену на любовницу не меняют, будь та хоть из золота сделана.

Я вновь покачала головой. Может, жену на любовницу и не меняют, но я – не жена. И… брезгливо как-то. Мало ли кто Тамирой пользовался? Если и Берт не побрезговал, значит, я для него в одной цене с этой… девицей?

Харни посмотрел на мое лицо и вздохнул.

– Ладно, мы с тобой потом об этом поговорим. А пока я вас не буду ставить рядом, чтобы пересекались поменьше.

Харни имел в виду дежурства. Можно так их распределить, что мы с Бертеном не будем видеться два дня из четырех.

– Спасибо.

– Эх, глупые вы, бабы. И что тебе надо? Мужик – золото. Не пьет, не бьет, работает, все в дом тащит…

– Я могу идти?

– Иди, Вета. Иди. К храмовнику вон сходи, посоветуйся…

Меня передернуло.

– Харни, долго они тут будут отираться?

– Приближенный Фолкс очень настаивал. Думаю, около года, не меньше.

Темного крабом!

– Год совать нос во все дела лечебницы?

Чем дальше, тем больше хотелось принять предложение Моринаров.

* * *

Рамон Моринар разглядывал магически доставленное послание из Тиртана, словно диковинного слизняка у себя под сапогом. Посол бледнел, краснел и покрывался потом – попеременно. Репутация у Палача была – страшноватенькая.

– Значит, тир желает поторговаться?

– Ваша светлость, речь идет о разумном согласовании и урегулировании вопроса…

Бумага вновь вспыхнула в ладонях Палача.

– Урегулировании? Вы сегодня напишете письмо своему тиру, любезнейший. И напишете, что, если он в течение десяти дней не даст положительный ответ на все наши требования, я лично явлюсь в Тиртан. После чего у вас сменится тир.

На лице посла отразился ужас.

– В-ваша свет-тлость…

– Вы меня плохо поняли прошлый раз. – Рамон не улыбался. – Мы не торгуемся и не торгуем кровью раденорцев. Мы требуем ответа за разбой.

С точки зрения дипломатии – отвратительно.

С точки зрения силы…

Его величество точно знал: стоит показать слабость, и тебя начнут рвать со всех сторон. Тут кусочек, там кусочек… И никому ты потом ничего не докажешь. А если сразу прояснить ситуацию…

Находится мало желающих подергать гадюку за хвост – укусит. Вот и с Раденором должно быть именно так. Нарушил закон – ответь! А чтобы отдельные личности не забывались, надо устраивать показательные порки.

Тиртанцев не жаль – те еще мрази. Лучше на их примере напугать остальных, пусть трясутся… к-крысы.

Надо сходить отчитаться его величеству.

* * *

Впервые я шла на работу, как на каторгу. Было тоскливо и тошно. Вчерашняя сцена царапала по душе, словно вилкой по стеклу.

Вот что надо было Бертену? Зачем он с нами так? Чтобы серьезно добиваться меня, ему не хватило душевных сил, а чтобы не добиваться… чего? Не знаю. Разочарование горчило на вкус и отравляло теплый осенний денек.

Предчувствия оправдались, стоило подойти к лечебнице.

– Госпожа лекарка, не погубите!!!

Мужчина, кинувшийся в ноги, был мне решительно незнаком. Здоровущий, лет шестидесяти… Его поддержала такого же возраста женщина:

– Смилуйтесь, госпожа Ветана!

Я потерла виски:

– Вы кто?

Ответ меня обескуражил. Господа были родителями мужа дочери Аликсы Ильви. Рины, конечно. Тот самый мужчина, который орал на старуху…

– Госпожа Ветана, ведь неправда это! Никак такое не может быть! Это все Ринка, она, стервь…

– Наш мальчик никогда бы!..

Я слушала и ушам не верила.

Господа Перрты просили меня заявить, что их сын всегда был уважителен и вежлив с Аликсой Ильви. Оказывается, по обвинению в убийстве схватили и Карину Перрт, вторую дочь Аликсы, и ее супруга, Акса Перрта. И принялись трясти, как кракен – лодку. Супруги нажима не выдержали и признались.

Душили. Оба.

За мзду их пропустили в лечебницу… кто? Тамира Амриант.

Вот ведь… Всегда знала, что не стоит таким доверять! Тварь продажная, хорошего человека погубила! Аликсу Ильви зять душил, дочь держала матери ноги-руки, чтобы та не вырвалась ненароком, мало ли…[3]

Меня затрясло.

– Так вы хотите…

Да. Предполагалось, что с моих показаний (да еще найдут, кого купить) окажется, что Акс – малым не невинная жертва.

Вы ж поймите, госпожа Ветана, там детушки малые (пятнадцать и двадцать два года), сироты бесприютные, голодные, холодные… Но на благое-то дело вернуть им хоть бы и отца, мы денег найдем!

Где искать будем? А наследство… Да-да, то самое, от Аликсы Ильви. Хотите десять процентов, госпожа Ветана? Хотя нет, знай нашу щедрость! Двадцать процентов!

Как же я разозлилась в тот момент! Окати водой – пар зашипел бы.

– Да как вы смеете? – Я не повышала голоса, но руки «просителей» разжались. – Надеюсь, ваш сын понесет достойную кару. А еще советую вернуть на место все, что вы своровали у покойной Аликсы. Я назначена ее душеприказчицей и лично прослежу, чтобы все досталось Тиссе Ильви и ее дочери. Если хоть тряпка с кухни, хоть щепочка с крыльца пропадет, я буду знать, кого в этом обвинить. Отправитесь вслед за своим сыном!

Как же они на меня смотрели! С такой ненавистью я даже у барона Артау не сталкивалась. Впрочем, барон-то меня как раз не ненавидел, он меня хотел. Да, в том самом смысле.

А эти…

Я залезла к ним в карман, отняла у них сына, отказалась от денег… И плевать им, что я тут ни при чем. Что их сынок поднял руку на тещу (да ладно, просто на больную старуху), что ему помогала дочь этой старухи, что никто их не подталкивал и не уговаривал. И деньги-то были, просто захотелось еще! Больше! Жирнее! Сытнее!

Когда я входила в лечебницу, меня трясло. Гадко было до ужаса, и улыбка Линды стала для меня спасательным канатом, за который я ухватилась.

– Что случилось?

– Светлый услышал наши молитвы!

– Это которые?

– Тамиру уволили! Харни с утра на нее так орал, что она вперед его визга из лечебницы вылетела!

Меня снова затрясло. Значит, так оно и было. Тамира впустила этих, потом пошла, соблазнила Бертена, чтобы он не помешал, и получала удовольствие, а за стеной убивали беспомощного человека…

Линда посмотрела на мое серое лицо, без церемоний схватила за руку и потащила в комнату.

– Сядь! Пей!

Горячий малиновый взвар обжег язык и горло, но тиски на моей шее тоже разжались, и я смогла говорить. Линда погладила меня по плечу.

– Твари они последние. И суки!

Абсолютно согласна с этим заявлением.

– И понесут наказание.

– А еще их дети останутся без родителей.

Я посмотрела на храмовника, стоящего в дверях.

– Бедные крошки скоро своих наделают.

Ант Оривс покачал головой:

---

[3] Для тех, кто сейчас скажет о бесчеловечности автора – знаю о таком случае. Из жизни (*прим. авт.*).

– Нет, я не призываю помиловать их, Вета. Ты меня неправильно поняла.

– Да неужели? А как же милосердие ваше излюбленное? Прости ударившего тебя в душе своей и сердце своем, ибо не ведает он, что творит и обязательно раскается?

– Вета, если ты подставишь ударившему вторую щеку, то по ней и получишь. Это естественно. Непротивление злу порождает большее зло. Но я сейчас хотел тебе сказать, что в этой истории нет тьмы. Истинного зла ты не найдешь, просто люди несовершенны в основе своей.

– Неужели?

– Подумай сама. Ваша Тамира? Она виновата в том, что польстилась на деньги. Перрты-младшие хотели лучшего для своих детей и не понимали, почему должны что-то отдавать человеку, который не ухаживал за матерью, не помогал ей, не поддерживал…

– Они этим тоже не занимались.

– Но были рядом?

– Делай добро – бери за это деньги? Подловатенько звучит.

Ант пожал плечами:

– Добро тоже не бесконечно, но люди сами по себе неблагодарны. И в жизни не догадаются, что надо что-то отдавать, чтобы оно умножалось. Вот и получается… Тисса Ильви бросила мать, погнавшись за призраком лучшей жизни, а Перрты-старшие всего лишь выгораживают любимого сына. Это просто человеческие страсти, стоит ли так из-за этого мучиться?

Я подумала. Покачала головой:

– А матереубийство?

– Это оправдать нельзя. Но самое ужасное, что Карина Ильви всего лишь хотела защитить себя, свою семью, своих детей. Может быть, следовала за мужем… Мне трудно сказать. Полагаю, что и первое и второе.

– Убив родную мать?

– Это действительно ужасно. Но знаешь, Вета, иногда самые страшные поступки люди совершают не потому, что их душа черна, а потому, что она спит глубоким сном. Пробудись она – и Карина Перрт сама убила бы себя. А она слепа и глуха… Это не зло, это как у животных, которые могут загрызть ослабевшего товарища.

Почему-то меня его слова не утешали. Во рту по-прежнему стоял горький привкус желчи.

– Вы их понимаете и можете простить. Я вижу. Может, такое и делает вас истинно верующим человеком. А мы… мы живем на земле. И мне сейчас гадко. Словно я в навоз окунулась.

– Но навоз – отличное удобрение! И на нем может вырасти и что-то полезное! Не надо так себя терзать. Люди несовершенны, и если тебя это утешит, ты правильно отказала Перртам.

– Знаю.

– Ты бы умножила зло, а они ничему бы не научились…

И это я тоже знала. Только вот легче не было, и храмовник понял.

– Бывают такие ситуации, где нет ни плохих, ни хороших. Но такова жизнь.

– А мое отношение к ней?

Ант Оривс улыбнулся и вдруг чисто отеческим жестом погладил меня по голове.

– Ты взрослеешь, девочка. Ты просто взрослеешь.

* * *

Его величество кивнул канцлеру, подписывая смету.

– Да, давно пора.

Новая лечебница будет построена на границе Желтого и Зеленого городов. Будет удобной, чистенькой, новенькой, в самый раз для мага жизни. Да и надо, давно надо. Население растет, а лечебниц на всех не хватает, вот и бегают люди по частным лавочкам.

Алонсо довольно кивнул:

– Сегодня обрадую нашу лекарку.

Рамон Моринар постучал для приличия, но ввалился раньше, чем получил разрешение.

– Что случилось?

– Тиртанцы принялись торговаться.

Король покачал головой:

– Нет. Никакой торговли. Либо они делают все, как мы сказали, либо…

Моринары и его величество переглянулись. Конечно, торговля – вещь хорошая, и война сейчас не нужна, но уступить – означает потерять лицо. А еще его величество надеялся выловить тех, кто договаривался с треем Лантаром, обещая ему безопасность в Раденоре. Труп – это хорошо, его тоже можно допросить, но пока Лантара умертвят там, пока привезут сюда… подгниет. Да и душа может уйти… далеко. Возись с ним потом… Не говоря уж о том, что Тиртан продажен с хвоста до головы. Как та рыбина. Откуда ни чисть… Подсунут кого-нибудь вместо Лантара, а самого трея потом кракена с два найдешь.

Никакой торговли!

* * *

Этот кабинет был воистину королевским.

Позолота от пола до потолка, лепнина, в завитках которой поблескивают драгоценные камни (именно драгоценные, какое стекло, что вы?), паркет из черного дерева, мебель из розовой дальбергии[4], витражные стекла в тяжелых медных переплетах… На фоне всего этого добра глаз даже не сразу замечал громадный стол и сидящего за ним хозяина.

М-да, герцога Ришарда природа не баловала.

Ни роста богатырского, ни профиля точеного, ни даже гривы волос. Собственно, больше всего его светлость напоминал разбогатевшего лавочника: светлые реденькие волосы вокруг плешки, круглое лицо, объемистое пузико и короткие ноги. Но любого, кто вздумал бы посмеяться над этим, ждала медленная и мучительная смерть – злопамятности герцога хватило бы на шестерых скорпионов. А заодно – жестокости, безжалостности и подлости.

А внешность… Заходя в этот кабинет, человек видел прежде всего не герцога, а его власть. И *проникался*. Какая там потом внешность! Даже безделушки на столе были исключительно из золота. Тяжелая литая чернильница весила столько, что сам хозяин ее и передвигать не собирался – на то слуги есть. Зато богато! Это ведь важно – когда все видят, сколько добра у тебя есть, сколько богатства, сколько власти и силы… А оно – есть! И как тут не показать?

Все вопли о вульгарности, пошлости и бездарности оставим завистливым неудачникам. Им-то не то что на золотую чернильницу – на золотой браслетик не заработать. Вот и шипят, вот и истекают ядом. Иногда это даже забавно – глядеть в жадные и одновременно несчастные глаза и понимать, что у них такого не будет, а у тебя – вот! И за эти прелестные вещицы стоящий перед тобой украдет, убьет, предаст, ударит в спину…

Случалось.

Хозяин кабинета получал искреннее удовольствие от власти над людьми. А почему нет? Это же быдло! Тупая толпа, которая создана, чтобы ею управлял самый сильный, умный, ловкий… Да, и богатый тоже. И у него все это есть. Жаль только, что водятся в лесу хищники и пострашнее. Например, его величество.

При мысли о короле-некроманте хозяин кабинета поморщился, как и всегда. Вот бывает же… Сила должна принадлежать достойнейшему. Но как смириться с тем, что на троне какое-то быдло? Потомок законного короля? Ха, как бы не так! Недоброй памяти его величество

[4] Розовое дерево, баи́я – древесина, получаемая от субтропического дерева Dalbergia decipularis из рода Дальбергия (Dalbergia) (*прим. авт.*).

Рудольф вместо того, чтобы сослать сестру в монастырь или отправить на костер как ведьму, даровал ей свободу. И как она его отблагодарила? Нагуляла невесть от кого ублюдка, который вырос и злодейски убил несчастного короля! Извел всю его семью, а потом стал править, словно так и надо. Да живи его светлость в те дни, сам бы отравил и гадючку, и ее выщенка! Но теперь уж…

Предки промахнулись, за что и поплатились, но герцог Ришард их ошибок не повторит. И сейчас в кабинете собралась теплая компания. Сам герцог Лоррен Ришард. Его сын – Толлерт. Старший сын, младший до сих пор здоровье поправляет после дурацких гонок. Да и кто этому сопляку такое доверит? Маркиз Леклер. Разумеется, с сыном. И еще двое человек.

Конечно, список заговорщиков не ограничивался этими людьми, но ведь какой заговор может увенчаться успехом? Только тот, в котором каждый знает свою роль и лишь один-два человека знают все. А посвящать всяких там графов и баронов в свои планы… Нет уж! Пусть будут благодарны уже за то, что им разрешили участвовать, что они не окажутся на обочине жизни или вовсе на плахе.

Первое слово предоставили хозяину кабинета, и несколько минут он держал паузу, наслаждаясь своей властью. Потом прокашлялся и солидно начал:

– Господа, наше предприятие раскрыто.

Люди были привычные, никто и звука не издал. А может, все просто уже все знали. Герцог помолчал еще пару секунд для пущей важности и продолжил:

– К счастью, никто пока не подозревает, что они столкнулись не просто с работорговлей, но с чем-то большим. Моринарский ублюдок арестовал наши корабли, и король требует от тира выдачи нашего союзника. Надеюсь, все понимают, что это невозможно?

На этот раз голос подал маркиз:

– Друг мой, вы предлагаете избавиться от союзника?

– Нет, что вы. – Хозяин кабинета улыбнулся. – Я предлагаю нанести удар. И хочу представить вам тех, кто поможет в этом.

Маркиз вежливо повернул голову к людям, которые сидели в дальнем углу и вежливо молчали, пока им не предоставят слова.

– Первый, кого я хочу представить, – приближенный Артен.

Мужчина сбросил капюшон плаща и поднялся на ноги. Улыбнулся, наслаждаясь оцепенением присутствующих.

– Здравствуйте, господа. – Голос у него был красивый, звучный, таким хорошо убеждать людей. – Доверенный ресолан[5] послал меня, чтобы помочь Раденору вернуться к истинной вере. И я рад помочь, чем смогу.

– Гхм… А приближенный Фолкс?

– Он ничего не знает о моем визите, – улыбнулся Артен. Улыбка у него тоже была замечательная. Да и вообще, мужчина производил впечатление. Лет сорока на вид, широкие плечи, гордая осанка, ястребиный профиль, темные волосы с проблесками седины на висках – очень благородно. Женщины млели… Ровно до тех пор, как узнавали, что приближенный предпочитает им мужчин. – Доверенный послал меня, чтобы разобраться в ситуации, и я нахожу, что Храм должен оказать всемерную поддержку наследнику несчастного короля Рудольфа.

Герцог Ришард склонил голову. Его наследник последовал папочкиному примеру. Не важно, что от короля Рудольфа там и капли крови не было, просто в те времена дочку Рудольфа выдали замуж за Ришарда, а так и бастардов в роду не бывало. Тут главное, что скажет Храм. А Храм одобрил, бросив на весы тяжелую гирьку. Поддержка такой силы – это серьезно, это четверть всего дела.

Ведь что такое Храм?

---

[5] Аналог патриарха в Храме (*прим. авт.*).

Это власть над разумами и душами людей. Сколько из них живут своим умом? Не так уж и много, поверьте. А вот в храм ходят… И советуются с холопами, служителями… Да с кем угодно, лишь бы эти люди имели отношение к Храму! Самим-то страшно, одиноко, тяжко… А так поговоришь с умным человеком, и уже вроде как не такой ты и дурак…

– Доверенный обещал нам помощь в том, что касается всего этого быдла, – произнес Ришард, все еще колеблясь.

Приближенный Артен поднял ладонь:

– Ваша светлость, мы не откажемся от своих слов. Но хочу заметить, что помочь мы сможем, только зная, что вы решите предпринять. До тех пор же…

Герцог помолчал еще пару минут, покусывая нижнюю губу. Зубы у него были мелкие и острые, но какие-то желтоватые и с пятнышками.

– Пожалуй, пришло время открыть карты.

Часть, только часть! Всех он и на смертном одре не откроет.

Присутствующие внимали с должным почтением.

– Наш друг, трей Лантар, собрал для нас неплохую армию. Пираты, работорговцы… На то, чтобы захватить весь Раденор, не хватит, но и не нужно. Главное – Алетар. Сердце Раденора. Сюда и должен быть нанесен удар. У нас хватит сил прорваться ко дворцу…

– Но в своей берлоге король практически неуязвим.

Маркиз знал, о чем говорил. Около двухсот лет назад его предки заплатили жизнью и большим куском земель за излишнюю уверенность в своих силах.

– Да. Но мы можем его отвлечь. – Герцог хитро улыбнулся. – Позвольте представить вам господина Тимоза.

Маркиз вскинул брови:

– Простите? Господина…

– Просто Тимоз. Для вас этого достаточно.

Мужчина поднялся из кресла и медленно сделал шаг вперед. Откинул капюшон, наслаждаясь произведенным эффектом.

И было чем.

Герцог не дрогнул, его сын тоже видел этого человека раньше, а вот маркиз выругался. Да и приближенный не остался равнодушным. Мертвенно-бледное лицо. Бритый череп со сложным рисунком шрамов от ожогов. Зажившие раны на месте ушей и носа, вырванные губы, оскал зубов, сделавший бы честь любому черепу, – и на этом обломке лица яростно сверкают почти безумные черные глаза. Ни зрачка, ни белка – ничего. Просто чернота, разлитая в глазнице.

– Светлый!

Приближенный схватился за знак Светлого у себя на груди, но тот не торопился отвечать. Зато рассмеялся мужчина.

– Светлый. Да, во имя его со мной это и сделали. Добрые люди изуродовали меня, переломали пальцы, подвесили за ноги на дереве, чтобы я умирал долго и мучительно. И не их заслуга, что мне удалось спастись. Светлый… х-ха!

Приближенный промолчал. Он уже понял, с чем имеет дело.

В отличие от Раденора, где к магии привыкли и считали ее, в общем-то, обычным делом, в Миеллене и Теварре, да и во многих других странах ее полагали либо порождением Светлого Святого (это когда она на службе у Храма со всеми вытекающими), либо отрыжкой Темного Искушающего. И во втором случае пощады изобличенным магам ждать не приходилось.

– Некромант? – обыденным тоном поинтересовался приближенный.

Глаза мужчины блеснули, словно обсидиановый нож, вонзающийся кому-то в сердце.

– Угадал, молельщик.

– Позвольте уж угадать и дальше… Теварр?

– Самый север, – согласился мужчина. – Догадался?

– Слова вы выговариваете, как теваррец. Там упирают на «о» и тянут «я».

Мужчина медленно опустил ресницы:

– Да, добрые люди сделали это со мной.

– А почему вы решили помогать нам?

Приближенный решил быть дотошным. Все же дело такое…

Некромант хрипло расхохотался:

– Деньги, разумеется. У меня есть семья, и они должны жить безбедно. Все же не побоялись, вытащили меня…

– Пути уважаемого господина Тимоза пересеклись с путями моих людей в Теварре, – вежливо пояснил герцог. – Разумеется, я помог человеку в трудной ситуации, а он поможет нам.

– Чем же? Если кто-то не знает, то король Раденора некромант еще более сильный, чем вы.

Приближенный был само спокойствие, оно и понятно. Рядом с гадюкой не подергаешься.

Глаза некроманта полыхнули искрами безумия. Но тут же он опустил их в пол, словно… извиняясь? Нет, скорее боясь не сдержаться.

– Все знают. Но есть одно заклятие, силу которого не перебить даже вашему королю.

– На смерти, – прошептал приближенный.

– Да. Я добровольно отдам свою жизнь и гарантирую, что король не сможет справиться с моим заклинанием. Город останется беззащитен.

– И что же это за заклинание? – не удержал любопытства приближенный.

– Вы еще не поняли? Черная смерть…

О, власть. На сколь многие низости и гнусности толкаешь ты людей, кои возложили свои жизни к ногам твоим и положили сердца свои в твою жертвенную чашу. Неостановимы их стремления, как горный поток, и так же грязны и опасны для оказавшихся рядом[6].

Мысли приближенного были вполне себе возвышенными и отстраненными, они текли ровно и спокойно, не мешая мужчине интересоваться деталями.

– Когда же вы совершите сей акт?

– Через три дня новолуние.

– И как быстро распространится болезнь?

– К сожалению, не сразу, – вздохнул герцог. – Любое заклинание имеет свои ограничения. Надежность оборачивается медлительностью, а неостановимость – тем, что заболеют не все. Это будет обычная болезнь, если такое слово применимо к черной смерти. Дальше же – на все воля Светлого. Кто-то умрет, кто-то выживет…

– И вы останетесь в Алетаре, когда здесь будет свирепствовать болезнь?

– У меня есть амулет, который проверил уважаемый господин Тимоз. Для меня эта болезнь не более опасна, чем обычный насморк. А вот сыновей я отошлю. И вам, маркиз, советую уехать.

Маркиз Леклер опустил голову:

– Благодарю вас, господин герцог. Мы последуем вашему совету.

Его сын молчал. Ну и правильно, нечего соплякам открывать рот там, где все решают умные и взрослые люди. Пусть поблагодарят, что разрешили наблюдать за полетом мысли гения.

– Болезнь вспыхнет через три дня, разгорится еще через четыре-пять, начнутся первые смерти, будет объявлен карантин и выставлены заслоны. Король останется во дворце, для него эта зараза не слишком страшна, как и для любого мага.

---

[6] Сель (*прим. авт.*).

– Возможно ли ее вылечить, ваша светлость?

Герцог подумал, что рано, рано он похвалил сына маркиза. Дурак все же. Но соизволил ответить:

– Такого способа нет.

– Те, кто заболел, все умрут?

Герцог пожал плечами. Вот уж что его заботило меньше всего остального. Умрут? И что? Чернь же! Быдло помоечное, кому оно важно? Вот его смерть – да, стала бы настоящей трагедией. И сыновья его должны жить, потому как благородные, наследники древнего рода. А отребье, эта грязная людская пена? Они и так плодятся как крысы. Еще нарожают!

Мальчишка понял правильно и замолк.

– Наши союзники из Тиртана тем временем отправятся в путь, якобы выдать трея Лантара. Но на кораблях будут наемники, много наемников. Король может быть кем угодно, но против нескольких тысяч воинов он не устоит. А помешать высадке будет некому.

– В Алетаре имеются маги, – заметил приближенный.

Герцог прищурился:

– А вот тут я рассчитываю на Храм. Что вам стоит произнести проповедь о том, что болезнь эта за грехи наслана? Пригрели магов злокозненных, вот и расплачиваемся теперь…

Приближенный думал недолго. Он отлично понимал, что все карты ему никто не откроет, что у герцога есть и что-то еще в рукаве, но… Идея ему нравилась. И имела право на жизнь. Вполне могла осуществиться при определенных обстоятельствах. А если и нет…

Храм тут ни при чем. Это же понятно! Наоборот, они будут молиться за тех, кто погибнет в этом кошмаре! Усердно молиться. А души праведников, принявших мученическую смерть, отправятся к престолу Светлого.

– Разумеется, вы можете на меня рассчитывать, ваша светлость. Рассчитывать на поддержку Храма в благом деле возвращения Раденора под крыло Храма.

Некромант сверкнул глазами, но промолчал. Промолчали и маркиз с сыном, а герцог расплылся в довольной улыбке и принялся заверять Храм в своей благонадежности. А почему бы и нет? Главное сделано, согласие получено, дата определена, остались детали…

Берегись, Эрик Раденор!

* * *

Я отбросила назад косу. Перебинтовала ногу, наложила лубки, уверенно затянула узел и подняла глаза на больного.

– Не ходить еще три дня. Потом к нам на осмотр. Лучше лежать, чтобы нога не отекала. Положите ее на подушечку и вставайте как можно меньше.

– Спасибо, госпожа.

Растяжение связок – вещь не слишком страшная, но болезненная и неудобная. И чтобы не остаться хромым на всю жизнь, придется мужчине потерпеть. Ничего, полежит.

В дверь постучали.

– Вета, иди пить взвар!

Линда. Сегодня ночью мы с ней дежурим. И ночь выдалась ужасная, честно скажу. С вечера больных было не так много, но стоило мне остаться одной – и словно проклятие какое, люди повалили один за другим. С отравлением, с заворотом кишок, с переломами, с ранами… Вот, с растяжением. Страх сказать: три часа ночи, а я с семи вечера и присесть не смогла. Голова уже словно чугунная…

– Ты лучше следующего приведи!

– Нет никого!

– Правда?

Я просто не поверила своему счастью. Минута отдыха?

Ах, это и есть счастье.

– Тогда я сейчас на задний двор. Хоть ополоснусь, а то вся потная…

И верно, духота в лечебнице стояла жуткая.

Линда пожала плечами:

– Как хочешь. Взвар наливать?

– Да, давай.

Я потянулась к коробочке с мыльным порошком… Кракен!

– Линда, а у нас мыльный корень закончился?

– Ах да! Я и забыла сказать!

– Что именно?

– Обещали сегодня привезти, да что-то у них там не срослось. Будет завтра… то есть уже сегодня с утра.

Темного крабом! А смыть пот хотелось до безумия.

Я огляделась. А ведь есть место, где может, может быть… Недолго думая, открыла шкафчик Тамиры Амриант. После того случая, когда Тамира совершенно случайно окрасилась в синий цвет, общему порошку она не доверяла и пользовалась своим личным. Дешевеньким, простеньким, без травяных добавок, но… Вдруг с собой не забрала? Такому добру цена медяк в базарный день.

Понимала, что это некрасиво, что лазить по чужим шкафчикам непорядочно, но… я же не рыскать! Просто взять горсть порошка или убедиться, что его там нет! И все! Я завтра же досыплю туда новый и хороший… Просто если Тамиру уволили со скандалом, она могла еще и не забрать вещи…

Шкафчик был заперт, но ключи-то у всех одинаковые. И замки тоже. От чужого, не от своих. Дверца скрипнула. В шкафчике лежало белье. Новенькое, тонкое, шелковое, с алыми лентами. Стояла склянка с розовой водой, лежали несколько пастилок для освежения дыхания, и в самом углу – коробочка с мыльным порошком. За ним я и потянулась.

Оп-па! А это что такое?

Румяна, белила, пудра, весь арсенал косметики, и в самом дальнем углу еще одна коробочка. Из драгоценного сандала. Небольшая, с ладонь. Действительно драгоценного. Такая коробочка стоит больше моего годового жалованья. Откуда она у Тамиры? Это не дешевые поделки с рынка, которые дарят своим любовницам подгулявшие матросы. Это произведение искусства. Тонкая резьба, полировка, отделка…

Я потянулась, медленно взяла коробочку, поставила ее на стол. Древесину сандала легко узнать по запаху, который она источает. Этот аромат ценится аристократами. Мать хранила в сандаловом ларце бумагу для переписки.

Крышка медленно пошла вверх под моими пальцами. И тут же была захлопнута, шкаф закрыт, а коробочка нашла пристанище под моим полотенцем.

Слишком хорошо я знала, что в ней лежит. Уже видела этот шарик в ране герцога Моринара. А в коробочке было около десятка таких. И в отдельном пергаментном фунтике, надо полагать, тот самый яд.

* * *

Остаток ночи прошел, словно в бреду.

Я искупалась, выпила взвара с Линдой и искренне обрадовалась следующему больному. Хоть так отвлечься и забыться.

Думала ли я, что виновата Тамира? О нет! Ни на минуту!

Во-первых, она дура, стерва и шлюха, но не отравительница. Во-вторых, ее просто не было в ту ночь. Я плохо помню, но Тамиру пропустить было бы сложно. И мысль о том, что она незаметно прокралась в палату, в которой лечили канцлера, вложила шарик в рану так, что не заметили оба лекаря…

Простите, это бред.

В-третьих, она никогда не оставила бы такую улику против себя в лечебнице. Нет, это кто-то другой. Кто-то, кто знает, что его (ее?) ищут. И боюсь, что жизнь Тамиры находится в опасности.

Чего уж легче? Убить развратную дуру, заманить куда-нибудь под предлогом переспать (а если это кто-то знакомый, то и стараться не придется), придушить или ударить ножом, благо лекари знают, куда бить, чтобы насмерть, а потом… Потом тело находят стражники, приходят сюда, открывают ее шкафчик, а там… Там – шкатулка с ядом.

Если я заберу ее… Отравитель будет знать, что это я. Или Линда. Вряд ли улику поставили сюда давно. Смогу ли я справиться с убийцей, если он придет ко мне?

Ответ – нет. Это даже не смешно. Я не воин, а лекарь, и самое печальное, не буду знать, от кого ждать подвоха. Это кто-то рядом, но кто? Не знаю, не знаю…

Так что же делать?

Медленно вдохнула, выдохнула, досчитала до пятидесяти, как учила бабушка. А потом приняла решение. Шкатулка вернется на место еще до рассвета. Я смогу это сделать, это несложно. Возьму из нее лишь один шарик и отправлюсь к канцлеру. Завтра же.

Хоть бы с Тамирой все обошлось.

* * *

К герцогу меня пропустили мгновенно. Алонсо Моринар был дома, завтракал с семьей и при виде меня расплылся в улыбке.

– Госпожа Ветана!

Улыбнулась Линетт, взвизгнул, повисая у меня на шее, Лим… На душе стало чуть легче, словно когти приразжались. Но…

– Ваша светлость, позвольте поговорить с вами наедине!

– Да, разумеется. Пройдемте в кабинет!

Канцлер мгновенно понял, что дело серьезное.

– Да, пожалуйста.

В кабинете он направился к креслу, но я не дала ему даже сесть.

– Протяните руку, ваша светлость.

– Простите?

Но руку Моринар протянул. И на ладонь его улегся маленький серебряный шарик.

Герцог не побледнел, не стал ругаться, не проявил никаких эмоций, но в глазах его появилось нечто такое… Я искренне посочувствовала его отравителю. Когда Алонсо Моринар до него доберется, хоронить там будет нечего.

– Откуда?

Я кратко рассказала про Тамиру, про порошок, про шкатулку.

Канцлер слушал, а потом кивнул и вышел из кабинета, даже не извинившись. И по дому понеслись отрывистые и резкие команды.

Когда герцог вернулся через пять минут, он был уже намного спокойнее.

– Вета, я не поеду в лечебницу. Пусть эта тварь, кто бы там ни был, думает, что уловка сработала. Мы подождем следующего промаха или подумаем, как его спровоцировать. А вас я попрошу об одном – не рискуйте! Ни в коем случае не рискуйте собой.

Пообещала с легким сердцем. И не собиралась ничего выяснять! Одно дело – случайно наткнуться, другое – лезть специально в мужские игры. Нет уж! Мне там не место!

* * *

– Пст! Госпожа Ветана!

Мальчишка, который окликнул меня на рынке, был хорошо мне знаком.

– Шнырек?

– Идите сюда!

Наверное, глупо было, быстро и воровато оглянувшись, втискиваться в щель между двумя лавками и, согнувшись чуть не в три погибели, следовать за мальчишкой. Но я верила, что мне не причинят вреда.

Так и оказалось.

В переулке, надежно скрытом от людей кучами мусора и заборами, меня ждал Косяк – тот самый главареныш, которому я лечила сломанную ногу.

– Что случилось? – не стала тянуть я.

Мальчишки переглянулись – и тоже не стали рассусоливать.

– Госпожа Ветана, уходить вам надо, – слово взял Косяк.

– Куда? – искренне удивилась я.

– Из Алетара.

– Почему?

Мальчишки молчали. Переглядывались, мялись, жались… Наконец Косяк решился:

– Клятву закрепите, что не проболтаетесь никому.

Я подумала пару минут:

– Обещаю. Буду молчать о нашей встрече.

– Не так. Чтоб мне в жизни никого не вылечить, если разболтаю…

Хм-м…

Такие обещания я давать не хотела. Слишком уж… Магам не стоит бросаться такими словами, чревато потерей дара. Но…

– Чтоб мне больше никого не вылечить, если разболтаю.

Приложила пальцы левой руки к сердцу и сплюнула на землю. Знаю, как клянутся всерьез.

Косяк довольно кивнул:

– Вы помните, госпожа Ветана, вы звякнули про храмовников?

– Не было такого, – тут же открестилась я.

– Конечно, не было. По случайности…

Как я поняла, в комнате храмовников ребята взяли несколько интересных магических приборов, которые тут же разобрали на составляющие, привязали на веревки и закинули узелки в воду. Во-первых, от обыска – мало ли кто пожалует? Во-вторых, морская вода гасит большую часть магии.

А потом, постепенно, ребята начали продавать уворованное. Ладно, честно добытое. Цель у них была простая – выручить деньги, а на полученное пойти учениками, куда захотят. Так уж устроен мир – в гильдию тебя не возьмут без первого взноса. Если, конечно, ты не талант в каком-то деле. Но если ты выплатишь за обучение, тебя принимают к мастеру, дают статус подмастерья, крышу над головой, одежду, пропитание… Все берет на себя гильдия.

На пять лет.

За этот срок ты должен освоить нужное мастерство и представить результат. Не в гильдию Алетара, кстати. Каждый год король собирает комиссию, и кто в нее войдет – угадать невоз-

можно. И подкупить людей тоже не получается. Делается это специально, чтобы мальчишек не держали годами в подмастерьях.

Уверен, что овладел мастерством? Сдавай экзамен, получай бляху мастера и принимайся за работу.

Сам Косяк мечтал стать столяром.

Не в этом суть.

Постепенно прощупав подходы, они принялись сбывать добро. Все в одни руки не продавали, чтобы не утонуть. Искали подходы, бегали по городу…

В лавку Кривого Фореля зашел Шнырек.

Я от души фыркнула:

– Кого-кого?

– Кривого Фореля. Глаза у него нет. И осторожный он… Как форель, понимаете?

А то!

Шнырек хотел продать один из камушков, Форель оценил его, предложил копейки, мальчишка принялся спорить, сошлись на нормальной цене. Конечно, вдесятеро меньше нормальной, но кто б им больше дал? В итоге Форель отсчитал мальчишке монеты, потом кто-то позвонил в лавку с черного хода, скупщик отвлекся, а мальчишка спрятался в здоровущую вазу. Интересно стало…

Любопытство – страшная штука. Хотя подозреваю, Шнырек хотел просто узнать, куда скупщик прячет казну, и потрясти ее. Дело житейское. Конечно, ребята не воруют. Но взять недоплаченное за камушек у вора, да еще чтобы окончательно развязаться с бездомной воровской жизнью…

Это почти дележка.

Через десять минут Шнырек сильно пожалел, что не удрал. Потому что говорил Форель с каким-то шепелявым типом, и говорил о страшных вещах. Что через несколько дней в Алетаре начнется настоящее безумие. И все, кто не хочет сдохнуть, должны быстро шевелить плавниками.

– Что начнется?

Косяк покачал головой:

– Они не звенели… то есть не сказали что. Сказали, что дохляков… что умерших будет много. И если Форель свою жизнь ценит, надо уезжать. Что все готово, надо только кого-то дождаться…

– Кого? Где? Когда?

Косяк покачал головой:

– Я так понял, что это чье-то поместье за городом. Рядом. Кто-то из благородных игры играет, нам с таким не по пути.

– И что вы теперь будете делать?

– Ноги рвать.

Мальчишки уже договорились с рыбацкими артелями, и часть бездомников уже уехала. В их глазах Кривой Форель был достаточно серьезной величиной, чтобы прислушаться. Остались пока Шнырек, Косяк и еще двое ребят.

Почему меня решили предупредить? Так должок за ними, отдавать надо. Вот спасение жизни как раз и зачтется. Уезжайте, госпожа, целее будете.

Я кивнула и принялась расспрашивать обо всем услышанном. Что говорили, как говорили, какие слова употребляли… И с каждым словом мальчишки мне становилось все неприятнее. Судя по всему, тот человек был… из дворян. Небогатых, не особо знатных. Не вовсе уж мелкая сошка, но тупой исполнитель не из крупных. Он знал, что должно случиться нечто, он хорошо относился к Форелю или чем-то был ему обязан, он предупредил, как мог…

Что случится?

Вот это-то и было самым страшным. Неизвестность.

Что-то надвигалось, но что? И как? Подумав, решила посоветоваться с канцлером. А пока – поблагодарить мальчишек и заверить, что тоже уйду. Не ждать же, пока меня убьют?

Так я и сделала.

Хотела пойти к канцлеру на следующий же день, но закрутилась. Явился Бертен, попытался поговорить о любви, потом стражники принялись расспрашивать про Тамиру, мол, пропала… не объявлялась? Родня ищет!

Нет? Плохо, плохо…

День выдался безумный.

* * *

Ночь оказалась немногим лучше.

– Госпожа Ветана!!!

Дверь едва не слетела с петель. Я, как была, в одной ночной сорочке, бросилась к ней, распахнула. Когда все в порядке, так стучать не станут.

И в мой дом внесли тело.

– Господин Мирий? – узнала я стражника.

– Помочь можешь?

Тело осторожно опустили на пол, и по чисто выскобленным доскам тут же поплыла, растеклась кровавая лужа. Дар проснулся, словно кольнул иголкой.

– Что случилось?

– На соседней улице нашли. Там шестеро на одного… Когда мы подбежали, все кончено было. Чудом жив еще. Просто мы их спугнули, добить не успели. Парень дрался… жалко.

Я быстро провела руками по телу мужчины.

Так, удар в печень уже сам по себе смертелен. Еще били в живот, в грудь, легкое тоже повредили… Кажется, позвоночник сломан.

– Не жилец.

– Да я понимаю. Вета, ты можешь его в чувство привести? Хоть сказал бы, кто его да за что?

Это я могла. На пару минут могла.

– Господин Мирий…

– Что надо?

– Есть у меня одно снадобье, только оно из запрещенных.

– Да плевать…

– Вы выйдите на минутку…

В глазах стражника мелькнуло понимание. Так, если и спросят, он ничего рассказать не сможет. Привела лекарка в чувство – и слава Светлому. А как, что…

Средства такие и вправду имелись. Только Корона за них гоняла хуже, чем за дурман-травку, и были они под строгим запретом. Разве что в лечебницах, и то каждый грамм на учет.

Стражники понятливо затопали ногами по половицам, и через пару секунд дверь уже закрылась. Дело такое, житейское.

Конечно, ни к какому шкафу я подходить не стала. Просто положила руки на грудь раненого – и дар пошел сквозь меня мощной волной. Да такой, что мне страшно стало.

Жизнь вокруг тебя. Все в мире – живое. Расслабься, слейся с миром, ощути, как он отдает тебе свою силу – с радостью. Он счастлив помочь своим любимым детям…

Вылечить несчастного я не могла. Но привести в себя – спокойно.

Порозовело лицо, открылись глаза…

– Вета!

И только сейчас я его узнала. Тот самый мальчишка, который выжил после гонки в каретах. Кажется, виконт.

– Виконт?

Мальчишка приподнялся, цепляясь за мою руку, в горле заклокотало. Он понимал, что умирает. Я видела его глаза, и они были отчаянными и испуганными.

– Вета… Уезжай! Спасайся…

И откинулся назад.

Жизнь медленно уходила, гасла, и не было возможности вернуть утраченное. Если бы чуть легче… Но слишком много всего! Слишком его изуродовали.

– Что…

И на самом пределе выдоха мне удалось расслышать только одно слово:

– Люблю…

– Кончается?

Господин Мирий стоял за моей спиной.

Я вскочила на ноги.

– Нет! Будь оно все проклято – нет!!!

Этого мальчишку я не отдам! Даже и не рассчитывай, сестренка-смерть! Ты стоишь за моим плечом, я вижу это, но здесь и сейчас тебе придется уступить мне! Я не знаю, что хотел сказать мальчик, я ничего не знаю, но… А, Темного крабом!

– Я потом все объясню.

Больше у меня не осталось времени на слова, юноша уходил. И я сделала единственное, что могла. Положила руки на тонкие аристократические запястья и выпустила всю доступную мне силу. Бабушка просила, умоляла, предупреждала, но… А, к Темному! Я не знаю, почему так поступаю! Виконт мешал мне, раздражал, я хотела, чтобы его не было, но здесь и сейчас – я не могла дать ему уйти!

Сила хлестала потоком. Водопадом. Шла через меня штормом, ревела ураганом, била уже не искрами – полноценными молниями. Я видела, как побледнели, попятились к двери стражники, я знала, что сейчас просыпаются маги по всему городу, что этот поступок навсегда перечеркнет мою жизнь…

Не могу иначе. Он ведь ко мне шел, я поняла. Предупредить. Как-то в одно сложились портовые мальчишки и виконт, их предупреждение и его смерть на моем полу… Я не знаю, кто хотел остановить юношу. Я знаю другое – он не умрет.

И сила торжествующе взревела, вливаясь в каждую жилочку, каждую частичку раненого, восполняя утраченное… И в какой-то миг я увидела, как темная тень улыбнулась мне – и растворилась в ночи. До времени. До поры она позволяет мне выигрывать, потому что никогда не проигрывает.

Спасибо, подруга. Жизнь и смерть – две стороны одной монеты.

Глава 3

Снадобье было мерзким на вкус и еще более гадким по результату, но глаза я открыла. Если уж я знала запрещенные снадобья, то стражники знали их ничуть не хуже. Надо мной маячило бледное лицо господина Мирия.

– Вета, жива?

– К-кажется…

Собственный голос показался мне хриплым, как воронье карканье.

– Так это ненадолго!!! – вдруг взъярился стражник. – Ты что творишь, идиотка?!

Не будь мне так плохо, я бы хоть слово сказала, а так… Лежала и глазами хлопала, как хрюшка в луже. А господин Мирий продолжал орать. И из его возмущенных воплей я поняла, что…

Первое: не стоило лечить аристократов, меньше Леклеров – чище Алетар!

Второе: не стоило пользоваться своим даром при всех, теперь не скроешь!

И, наконец, третье: не стоило доводить себя до такого состояния!

Дура я, дура, если коротко. И пороть меня некому. А надо было.

Правда, выговорившись, Мирий поднес к моим губам стакан с водой, и я сразу же простила ему все на свете. Не было в моей жизни ничего лучше и вкуснее, чем этот стакан ледяной воды.

– Еще…

– Перебьешься. Простынешь.

– Я?

Стражник подумал, осознал глупость своего предположения – маг жизни простынет, – хохотнул и споил мне еще один стакан. И еще один. На третьем я уже шевельнулась, вызвав восхищенный вздох, и меня тут же уложили обратно.

– Ну живучая ты, Ветка! Только не дергайся пока, я ж тебе чернокопытника накапал. Теперь лежать надо, не то поведет…

Ну, поведет не поведет, а голова кружиться будет часа полтора так точно. Придется полежать. Только…

– А как…

– Этот? Не сдох!

– Мирий!

– И не собирается. Спит, что младенец в люльке. Ребята хотели и ему накапать, да я не дал…

– Правильно! Ему теперь ничего нельзя, только чистой водой поить.

– Напоим… Ты-то как?

И когда мы успели перейти на «ты»? А вот ведь… и неловкости никакой нет, словно дядюшка приехал, которого сто лет не знала, а все ж родня.

– Нормально. Скоро встану, у меня это быстро…

– А он?

– А вот у него теперь дня на три сна будет, кабы не больше, – прикинула я. – Я в него столько силы выплеснула, что самой не верится…

– Да уж! А нам знаешь как страшно было?! Стоишь на коленях, потом вся засветилась золотом изнутри, с рук словно лучи ударили, и в этого сопляка на полу. И все бьют, бьют… Он кричит, а потом так же засветился, а ты на него упала, и лежишь, словно дохлая. А там уж свечение стихло, мы подойти решились…

Я вздохнула.

Все, Веточка. С приплыздом вас, как говорит торговка рыбой с рынка. Надо завтра идти и сдаваться Моринарам… Или не идти, но тогда сдадут уже меня.

– А этого… А никак нельзя в себя пораньше привести?

Я покачала головой:

– Нельзя, Мирий. Никак. Или угробите парня.

– Обидно будет. Хоть и не стоит он того, а сколько труда вложено, – ухмыльнулся стражник. И совершенно по-родственному потрепал меня по волосам. – Ты выздоравливай, девочка. И думай. С ребятами я поговорил по-свойски, а все ж когда столько народу знает, что ты маг жизни…

Я понимала.

– Я все улажу. Правда.

– Когда?

– Лучше завтра же… то есть – сегодня? Сколько я была без сознания?

– Час-полтора, – прикинул Мирий.

– Значит, сегодня. Улажу.

Как пообещала, так и сбылось.

* * *

– Где эта идиотка?!

От начальственного рявканья подскочили и я и Мирий. Плеснула вода в кувшине, испуганно дернулась, пытаясь улететь, занавеска. Я ее понимала. Мне и самой от взгляда Рамона Моринара захотелось улететь. Жаль, что я не маг воздуха, меня бы только и видели.

Господин Мирий вскочил, вытянулся во фрунт, но Палач его и не заметил.

– Ты что творишь, дура сопливая?! Жить надоело?!

Я вытянулась на кровати, изображая дохлую селедку. А что я сейчас скажу? И услышат ли меня? Сил и так нет, а герцог в ярости, это видно. Волосы растрепанные, глаза злющие, застегнут не на те пуговицы… От любовницы, что ли, выдернули?

– Ты понимаешь, что теперь о тебе знает весь Алетар? И где было, и что было…

– Гм!

Господин Мирий кашлянул, рискуя навлечь на себя начальственный гнев.

Так и вышло: Рамон Моринар развернулся, прожег несчастного грозным взглядом. Мне, судя по вмиг выцветшему лицу стражника, и десятой части от ярости не досталось, но – столько лет в страже! Такое не пропьешь! Ночью встанешь начальству доложить…

Так и вышло.

– Ваша светлость, разрешите сообщить! Во время патрулирования моим десятком был обнаружен смертельно раненный виконт Леклер. К лекарке мы принесли его, чтобы выяснить, кто посмел…

– И как – выяснили?

Голос Палача стал обманчиво мягким, почти шелковым:

– Никак нет, ваша светлость. Выясним, как только виконт в себя придет…

– Когда?

– Дня через три…

Рамон Моринар сплюнул, выругался так, что захотелось зажать уши, а потом развернулся ко мне:

– Знаешь, Вета, меня бы устроило больше, если бы рассказал, кто его убил, и сдох. А ты что устроила? В благородство поиграть захотелось?!

Меня словно молнией ударило.

– Вон отсюда!

Моих сил хватило, чтобы приподняться на кровати, но тут взял свое чернокопытник. Закружилась голова, замелькали противные черные мошки…

– Дура…

Тонкие сильные пальцы легли мне на виски.

– На, бери…

Я и не знала, что Палач так умеет. Делиться силой.

Судя по всему, он себя вообще не контролировал, и сила лилась в меня мощным потоком огня. Ревела, бушевала, требовала ответа – откройся, прими… Огонь не признает компромиссов, он горит до конца.

А жизнь… Жизнь принимает все – и огонь, и воду, и даже смерть. На то и жизнь. И постепенно начал стихать поток, а я смогла выпрямиться на кровати. Не важно, что держалась я при этом за мужские запястья и мы с Палачом находились на неприятно близком расстоянии, чуть ли не нос к носу. Я смогла сесть! Почти сама.

– Спасибо.

Рамон Моринар посмотрел на меня, как на дуру:

– Вета, ты понимаешь, что здесь оставаться не можешь?

– Да…

– Сейчас ты соберешься и поедешь со мной. Пока поживешь в моем доме.

Я замотала головой, и в виски тут же упругим шариком толкнулась боль, напоминая, что сила-то не моя, заемная, и переваривать мне ее еще долго…

– Не могу…

– Почему?

– Неприлично…

– Тогда к дяде. Там тебе прилично?

Медленно опустила веки:

– Да. Спасибо…

– Словами ты не отделаешься. Ты понимаешь, что все, все маги Алетара теперь знают о тебе? И те, что в рясах, тоже?

– Да. И… Я соглашусь.

Рамон довольно кивнул:

– Ладно. Тогда я даже Леклера убивать не буду, пусть живет.

– Убивать?! – взвилась я. – Не смей! Он же…

– Что – он?

– Он ко мне шел. Предупредить о чем-то…

Рамон прищурился. Взгляд его стал острым, холодным, серьезным…

– Рассказывай?

Увы, рассказывать было особенно нечего. Я честно выложила и про мальчишек, не называя кличек, благо клялась я им примерно в этом, и про Кривого Фореля, и про то, как на пороге смерти Леклер просил меня уехать…

Не сказала только про его уже не последнее в этой жизни слово. Ну… могла и ослышаться. Бывает. Да и какая там любовь?

Рамон слушал внимательно. И так же внимательно слушал Мирий, про которого попросту забыли – есть у стражников такое умение, словно бы сливаться со стеной без всякой магии. Мужчины слышали, оценивали информацию, а потом Мирий кашлянул и шагнул вперед.

– Ваша светлость, мы бы сейчас по горячим-то следам… Только…

Рамон махнул рукой:

– Понимаю. Вета, где бумага? Есть?

– Там, – махнула я рукой в гостиную. – В буфете.

– Сейчас напишу приказ, с его величеством утрясу… Вета, точно нет возможности привести этого сопляка в себя?

– Можно. Только он умрет.

– Пусть…

– И может не успеть рассказать.

– Это хуже. Нет, ну как ты могла!

Я развела руками.

Маги жизни, простите, и не обязаны быть умными. У них, учено выражаясь, другая функция в этой жизни.

И почему моему самоуничижению никто не поверил?

Рамон отпустил мои руки, встряхнулся.

– Собраться сама сможешь?

– Попробую.

– Вот… пробуй. У тебя полчаса, потом поедем к дядюшке.

– А виконт?

– А виконт умер. Ясно?

Я медленно кивнула. Умер так умер, понятное дело. Не мог он выжить с такими ранами. Рамон посмотрел на Мирия:

– И если я узнаю, что кто-то разболтался, до того, как мальчишка придет в себя… мечтать о смерти будете.

– А вы не пугайте, ваша светлость, жизнь до вас успела, – огрызнулся вдруг Мирий. – Высокородные интриги плетут, а Ветке платить?

Рамон прищурился на стражника, оценивая, то ли его сразу убить, то ли помучить… Но потом выглядел нечто правильное. Благородное.

– Ничего с ней не случится. Мое слово.

Мужчины пару минут мерились взглядами, а потом Мирий кивнул:

– Светлый в помощь, ваша светлость. – И уже мне: – Вета, если что, я тебя всегда жду. И жена рада будет, и дети…

Я кивнула еще раз, напоминая себе куклу-марионетку. В горле першило. Наверное, все же вода была холодной. Ну не слезы же это, правда?

* * *

Сборы оказались неожиданно долгими. Обросла я добром за это время, обросла. Вещи поместились в один небольшой саквояж. Смена белья, туфли и теплый плащ. Ну и гребень с мылом. Что еще надо?

А вот лекарства, инструменты, травы, мази, настойки… Достань потом тот же чернокопытник или золотую лапчатку нужного качества! Семь пар туфель собьешь, пока найдешь! И бросить все? Ну уж нет! А когда понадобится?

Не «если», нет. Определенно – когда. Лекарь всегда нужен, судьба такая…

Зато успела подъехать карета с гербом Моринаров, и еще одна. И все видели, как в одну карету грузили меня с вещами, а в другую заносили длинный сверток из белой ткани, которая пропиталась кровью в местах ударов, на груди и животе.

Умер виконт. Умер – и точка.

* * *

В особняке Моринаров меня встретила Линетт. Подхватила под руку, поцеловала в щеку, защебетала и потащила принимать ванну. Лим пока еще не проснулся, а канцлер уже уехал на службу.

Рамон, по дороге еще раз расспросивший меня, кто говорил, что говорил и когда, тоже уехал к канцлеру. Они сейчас будут решать, что делать и как, а я хоть чуть отдохну. Хотя бы самую малость…

Горячая вода, ароматное масло и даже платье из запасов герцогини. Достаточно простенькое, белое, с голубыми незабудками, срочно перешитое на меня слугами. Зато белье новенькое, шелковое… Как же я от этого отвыкла!

И от легких туфелек из мягкой, словно крем, кожи, и от прически из тяжелых волос, и от шпилек и локонов, и от роскоши, и от ощущения защищенности… Да, клетка. Но ведь она и ко мне сейчас никого не пропустит, а это важно.

Страшно… Безумно страшно. Этой ночью я подставилась так, что больше некуда. Ох, дура…

Впрочем, когда я спускалась вниз, в столовую, на моем лице играла улыбка. И такой же улыбкой встретила меня Линетт.

– Вета!

– Ваша…

– Линетт! Мы же договорились!

– Да, Линетт, – согласилась я. – Просто… непривычно.

– А ты привыкай. Зная мужа да зная Рамона… Сказали – примут в семью, значит, так и сделают. Они мужчины серьезные.

Я ответила улыбкой на улыбку Линетт.

– Да, муж у тебя мужчина видный. Со всех сторон…

Ах, как давно я вот так не щебетала с подругами! Ни о чем…

– Я знаю. – Линетт смешно округлила глаза. – Слушай, а Рамон тебе как?

– Внушает, – призналась я.

– А то и с формальностями возиться бы не пришлось! Ты бы мне сразу кузиной стала!

Я вспомнила взгляд Палача и помотала головой что есть сил.

– Он мне не то внушает!

Линетт вздохнула:

– Да вот… И еще этот его взгляд голодной акулы… Его все боятся, представляешь! Я кого с ним только не знакомила, все напрасно! Один взгляд, две улыбки, три слова – и девушку уже не догнать!

Даже не сомневалась, что Рамон Моринар может перепугать кого угодно.

– Как я их понимаю!

Линетт затрясла головой:

– Вета, не надо! Ты не думай! Ни Алонсо, ни Рамон… Они никогда! Ты же понимаешь, я шучу больше, но никто тебя принуждать не станет! Честно-честно! А у тебя кто-то есть, да?

Я покачала головой. Есть ли? Казалось, что был Бертен. Вот, был… Ох!

– Линетт! А работа как? Я же…

– Хм-м…

Линетт Моринар подумала пару минут, а потом вдруг улыбнулась:

– Вета, а мы вот как сделаем. Я сейчас напишу твоему начальнику записку. Как его там?

– Растум. Харни Растум.

– Вот! Напишу, что у меня голова кружится и подташнивает и я себя не очень хорошо чувствую, а потому требую тебя в личные лекари дней на пять! А там уж мальчики что-нибудь придумают!

Я смотрела в ее зеленые глаза и понимала, что готова ей сейчас все простить. Вот за это понимание. За то, что не отмахнулась – да нужна тебе та работа? Не сказала, что у меня теперь будет другая жизнь, не предложила дождаться Алонсо Моринара, не… В носу защипало, и я махнула рукой, чтобы скрыть свое состояние.

– Линетт, может, не надо так на себя наговаривать?

– А я и не наговариваю. Меня и правда подташнивает, есть такое…

Я прищурилась. Подташнивает, говорите? А…

– Можно я тебя осмотрю?

– Можно. А что?..

Но я уже вела ладонями вдоль тела герцогини. Боль иголочкой скользнула по позвоночнику, но на то, чтобы увидеть, много силы не надо. Капелька…

– А то. Вы с мужем второго ребенка хотели?

Линетт медленно опустилась в кресло.

– Вета… правда?

И во взгляде – не радость, нет. Страх.

– Да, – удивилась я. – А что?

– Лим… Если как он?

Сначала я даже не поняла, о чем говорит герцогиня. Дошло только потом. Если второй ребенок унаследует ту же болезнь, что и Алемико Моринар… Вот где ужас-то для родителей. Ждать – и не знать. Или наоборот – знать, что твой ребенок родится больным, и нет возможности ему помочь, никакой нет…

Темный с ними, с иголочками. И с болью тоже. По пальцам побежали золотистые искорки.

– Не шевелись, ладно? А то мне тяжело…

Линетт замерла, даже боясь дышать, а я уже прощупывала своим даром искорку недавно зародившейся жизни.

И понимала – да. Могло быть такое. А мы вот сейчас…

Сейчас и лечить-то не надо, и сил почти не надо, просто работа ювелирно тонкая. Это вам не мечом рубить, тут словно вышивка бисером. Медленно-медленно. И очень осторожно…

* * *

Когда все закончилось, я могла только сидеть и дышать. Дышать и сидеть. Линетт тоже сидела в кресле и смотрела на меня с надеждой на чудо. А я даже сказать ничего не могла, казалось, виски разламываются от боли. И скажешь лишь слово, а голова просто треснет… Но у лекаря такая работа – себя превозмогать.

– Все будет хорошо…

Я еще успела увидеть яркие глаза Линетт. Искрящиеся, радостные, счастливые… А потом ковер как-то быстро понесся к лицу. Ей-ей, это входит в привычку – обниматься с коврами в доме Моринаров.

* * *

– Ваше величество, у канцлера в доме лежит раненый виконт Леклер.

Его величество отреагировал с должной невозмутимостью. Полюбовался на отполированные когти и уточнил:

– И кто его не добил?

Мысль о том, что Рамон Моринар отпустил живого виконта Леклера, ему даже в голову не пришла. Этот – не отпустил бы. Точно.

– Пока не знаю. Меня вообще подняли с кровати часа в три ночи…

– Сильным выплеском магии жизни?

– Именно!

Его величество понимающе кивнул. Он сам был разбужен этой вспышкой, и насмешливо подумал, любуясь на темный Алетар, что теперь о маге жизни не знают только тараканы. А остальные в курсе. Но сам спускаться в город не стал. Если король вынужден заниматься такими вещами, значит, это плохой король. У хорошего найдутся подручные.

– И?

– И я отправился к этой дурехе.

Его величество отметил формулировку: сам отправился, не послал слуг, не кликнул стражу, не… Вариантов было много. Если кто полагает, что герцог, командующий гвардией и один из ближайших доверенных короля, не знает, чем заняться, и может по городу бегать, это вы зря, очень зря. Послал бы слуг за девчонкой, ничего бы не случилось.

– Что там интересного?

– Виконт Леклер. Уже не вполне дохлый, но пока еще и не живой. И сама лекарка, которая на ногах не стояла. А еще человек пять стражников… Сила Ветаны попросту ввела молодого человека в нечто вроде летаргического сна, из которого он в скором времени выйдет, но сейчас будить его опасно и жестоко. Да и не получилось бы.

– Замечательно. Осталось объявления на столбах расклеить – у нас маг жизни появился.

Рамон только головой покачал:

– Я так и не могу понять – она это нарочно? Или просто такая дура?

Его величество печально вздохнул:

– Если бы ты не отворачивался от своего дара, а уделял ему больше внимания, то понял бы, что все не так. Маг жизни не может не лечить. Это как дыхание, как крик, как… да не важно. Она просто не может поступить иначе.

Рамон вздохнул:

– Понимаю я. Но…

– И сдержаться ни у кого из них не получается. Рядом с больным человеком маг жизни будет лечить. Будет дышать, двигаться, выплескивать свою силу, ставить человека на ноги, выкладываться до последнего предела… Они себя не контролируют в этот момент. Если рядом кто-то просит о помощи, они обязательно протянут руку. Думаю, маги жизни – это первая ступенька к Светлому. Те, кто даже в ущерб себе не сможет отказать в помощи другому. Нам в этом отношении проще, мы можем сбрасывать силу незаметно. Да хоть ты огонь в камине разведи, все уже легче будет. Мне тоже, сам знаешь…

Рамон знал. Сердце Алетара было напитано некромантией так, что это ощущал любой маг, приближающийся ко дворцу. Его величество не скупился на жертвы и на свою собственную кровь и силу, как и поколения его предков. И Алетар… В этом городе король был способен на многое.

Любое вражеское войско, дошедшее до Алетара, здесь и останется. На алтаре.

– Одним словом, они оба живы и находятся дома у моего дяди. Я решил их не разлучать, мало ли что…

– Правильно. Алонсо сможет их защитить.

– Надеюсь. Лекарка рассказала мне неприятные вещи…

Его величество внимательно выслушал пересказ герцога и кивнул.

– Значит, опять что-то задумали. Эх, недодавили…

– Зато сейчас у нас есть шанс покончить с этими тварями, – ухмыльнулся Рамон.

– То-то и оно. Думаешь, твари этого не понимают? Нет, у них что-то очень крупное в рукаве. Очень серьезный козырь. Но какой?

Рамон пожал плечами:

– Если они не пожалели одного из своих, можно догадываться, что это будет нечто весьма серьезное…

Его величество кивнул. Посмотрел на небо:

– Сегодня полнолуние. Я попробую узнать.

* * *

– Мой сын!!! – Маркиз Леклер ворвался в дом к Ришардам, пылая яростью и жаждой мести. – Мой сын!!!

Герцог Ришард встал из-за стола.

– Симон, я сейчас все объясню.

– Что именно?! Вы убили моего единственного сы…

Толлерт Ришард, который только что крепко стукнул маркиза рукоятью кинжала по голове, посмотрел на отца.

– Как он узнал?

– Не важно. Сейчас это уже не важно. Главное, что глупый щенок никому и ничего не успеет рассказать.

– А с маркизом что?

– Пока – в его покои, а там посмотрим. Может, и пригодится на что…

Мужчины переглянулись с понимающими ухмылками. Сыну Лоррен Ришард доверял, насколько вообще мог доверять людям. И о второй части плана Толлерт знал.

А вот о третьей – пока нет. Но всему свое время.

* * *

Тепло. Уютно, спокойно и делать ничего не хочется. Мне просто хорошо. Я лежу в большой кровати и медленно пью малиновый взвар с медом, по глоточку. Рядом сидит Лим и болтает как заведенный. О корабликах, которые пускал в пруду, о дереве, на которое залез – теперь-то можно! И да, спрыгнул он немного неудачно, разбил коленку. И все само заживает! Почти зажило!

Здорово, правда?

Я не вникаю в рассказ, разве что киваю в нужных местах. Стыдно сказать, но Лим сейчас для меня лучшее лекарство. Смышленая мордашка, яркие глазенки, улыбка до ушей… Словно рядом бьет фонтан с живой водой.

Линетт ушла, взяв с меня слово не вставать до вечера. Я охотно пообещала, потому что иначе герцогиня опустится в кресло рядом с моей кроватью и будет сидеть, а благодарность – штука утомительная.

Устала я так, что на ногах не стояла. И откуда у Линетт Моринар взялась подобная пакость? Не иначе проклял кто. Надо бы поспрашивать, нет ли у нее в семье такой болячки?

А, не важно.

Лим притащил здоровущую книгу сказок и изъявил желание почитать мне вслух. Я слушала историю про золотого ослика и ни о чем не думала, пока в дверь не постучали.

Канцлер.

– Папа!!! – завизжал Алемико и повис у отца на шее. Тот, не отказывая сыну, подхватил малыша, подкинул повыше и что-то шепнул на ухо. Лим бросил на меня заговорщический

взгляд и удрал, а канцлер присел рядом на кровать, не обращая внимания на попрание всех приличий.

– Вета, здравствуй.

– Здравствуйте, ваша…

– Дядя Алонсо. Или дядюшка. Или придумай сама, как меня называть.

Я вздохнула.

Да уж понятно, что теперь меня не выпустят. Придется делать хорошую мину при плохой игре.

– Здравствуй, дядюшка.

– Уже лучше. Спасибо тебе еще раз. Линетт мне все рассказала…

Я повела рукой, мол, не стоит благодарности. Сделала, что смогла, что должна была… Кстати…

– А где мой больной?

– Леклер, что ли?

– Да… дядюшка.

Канцлер понимающе улыбнулся, мол, привыкай, и потрепал меня по руке.

– Неподалеку, в гостевой спальне. А при нем слуги и охрана. Если что пойдет не так – тут же нас позовут.

Я выдохнула:

– Не хотелось бы, чтобы он умер.

– Вета… он тебе нравится?

Нравится? Мне?

Вспомнила отчаянные голубые глаза, липкую от крови руку в моей руке, холодные пальцы смерти, смыкающиеся у бедняги на горле, и только-только хотела ответить отказом, как вдруг…

– Не знаю, ва… дядя. Не знаю.

Канцлер покачал головой:

– Вета, это плохо.

Я смотрела невинными серыми глазами.

– Леклеры вот уже не одно столетие враги короны. Они, конечно, не выползают из своих нор, сидят, пакостят втихую…

– Но почему они тогда живы?

– Потому что наш король – некромант. Ты же знаешь?

Знала, но никакой связи не усматривала, о чем и сказала.

Алонсо покачал головой:

– Вета, его величество отлично знает цену человеческой жизни. Именно поэтому в Алетаре не казнят больше необходимого и не проявляют ненужной жестокости.

Звучало странно, но что я знаю о некромантах? Нянюшкины сказки? Жуткие истории о Проклятом Короле? Этого слишком мало, чтобы составить свое мнение. Может быть, и правда тот, кто каждый день видит в зеркале смерть, не станет лить кровь без надобности?

Но язык мой – враг мой.

– А если во имя благородных и высоких целей?

Канцлер потрепал меня по волосам:

– Вета, некромантам по должности таких не положено. У них исключительно низкие цели и коварные устремления, а значит, и больших жертв не предвидится.

Я невольно фыркнула:

– Если что-то случится с виконтом, вы меня позовете?

– Обещаю.

– Его не убьют?

– Если его и убьют, то не по моему приказу, – честно ответил Алонсо. – И вряд ли по королевскому. А вот когда до него доберутся свои…

– Свои?

– Да, скорее всего. Он ведь шел к тебе? Или предупредить, или увезти – не знаю. Но не думаю, что ему это простили.

– За ним кто-то следил?

– Да, скорее всего, он привел убийц за собой. Но точнее мы узнаем, когда он придет в себя. Дня через два?

– Да, дядюшка.

Получилось уже вполне непринужденно. В дверь протиснулся Лим с большой тарелкой, на которой лежали трубочки из ягод. Удивительно вкусная штука. Фрукты или ягоды измельчаются в пюре, высушиваются тонкими пластами на больших противнях, а потом режутся в пластинки или сворачиваются, по вкусу. Иногда их начиняют чем-нибудь вроде меда с орехами… Я их обожала, но сама не готовила – возиться долго. Вот над лекарством я могла просидеть и ночь, и две, а ради пары порций сладкого… Нет у меня времени! Нет!

– Черника, яблоки и груши.

Личико будущего герцога было слегка чумазым, и мы поняли, что пара трубочек уже испарилась по дороге. Переглянулись, улыбнулись, и канцлер встал с кровати.

– Вета, отдыхай. Если что-то случится, тебя позовут. А до тех пор изволь восстанавливать силы. Что за манера – себя вычерпывать до донышка?

Я развела руками, мол, не виноватая я, канцлер погрозил мне пальцем и вышел, не забыв по дороге прихватить пару трубочек с блюда. Мы переглянулись с Лимом.

– А какие тут из черники?

Почему бы и не отдохнуть, если есть время, возможность и желание?

* * *

Любой, кто попал бы на эту поляну, тут же раскаялся бы в грехах своих, уверовал в Светлого, навсегда уяснил, что некроманты – зло, и помчался бы или в Храм, или к ближайшему магу. Каяться – и лечиться. А то так насмотришься, потом с криком просыпаться станешь.

На первый взгляд картина была очень мирной и приятной. Море, луна, лениво купающая свои толстенькие бока в соленых волнах, лунная дорожка, бегущая по воде, серебристый песок, вдалеке резвится косяк дельфинов, то выпрыгивая, то опять погружаясь в воду… Вдалеке белеет Алетар, словно жемчужина в ладонях девушки. На горизонте, словно вырезанные из черного бархата, спят седые горы. Все мирно, тихо, уютно, пока взгляд не остановится на одной из ничем не примечательных бухточек. Таких на побережье сотни и тысячи, но выбрана была именно эта. Кому-то крупно не повезло.

Берег моря освещали факелы, воткнутые в песок. На этом песке, специально залитом водой для четкости, была нарисована большая пентаграмма. И в углах ее помещались люди.

Как?

На каждом углу изломанного рисунка вкопано нечто вроде виселицы, к которым этих людей и привязали.

Связанный человек продет ногами в петлю так, что потяни за хитро пропущенную через блок веревку – и мигом его вздернет кверху ногами. Люди, разумеется, были в сознании, просто крепко увязаны и с кляпами. Еще не хватало тут вопли слушать. Не за тем их сюда притащили, ох, не за тем.

Некромант деловито дорисовывал направляющие, вписывал в пентаграмму треугольник, который вершиной указывал на Алетар, рисовал на углах пентаграммы знаки. Смерть, болезнь,

повеление, крыса, воздух. Это – для пентаграммы. Для треугольника – повеление, смерть и призыв.

Он с радостью переморил бы всех, но герцог Ришард дураком не был. Алетар – да, там король, там его приближенные, это понятно. А всех-то зачем? Нет уж, подождите, дайте время. Какой идиот будет устраивать геноцид в стране, где собирается жить и править?

Наконец все было готово, и господин Тимоз повернулся к герцогу:

– Пора.

– Что нужно делать?

– Встать с этой стороны от пентаграммы, чтобы не попасть под заклинание, – некромант ткнул пальцем, ухмыльнулся, – ну и молиться. Если умеете…

Ухмылка у него получилась отвратительной, но герцог Ришард и не подумал отворачиваться или возмущаться.

– Мы с вами полностью в расчете, господин Тимоз? Документы вашей семье передали еще вчера, вы в курсе.

Некромант кивнул.

Да, документы на небольшое поместье под Алетаром и крупная сумма денег. Его жене и детям хватит на безбедную жизнь, а он… Раз уж так сложилась судьба, надо отработать. Жаль, что так получается, но некромантия – это не воздух и не вода, с этой силой он может не справиться. Когда она выходит из-под контроля…

Некромант не хотел, в один прекрасный день, проснувшись, найти рядом с собой зомби вместо жены и упырей вместо детей. Ему надо уйти, и если можно это сделать, заодно заработав немного денег для родных, почему бы нет?

За будущее он не боялся. Герцог не такой дурак, чтобы нарваться на посмертное проклятие некроманта. Его-то вряд ли кто снимет. Кроме (ха-ха) короля Алетара.

– Мы в расчете. И помните – если решите обмануть меня или навредить моей семье, я вас и с того света достану, герцог.

Герцог верил. И кстати, не собирался как-то пакостить родным некроманта. Что ему то поместье, если в его распоряжении скоро окажется весь Раденор? Или не окажется. Но во втором случае ему тем более будет все равно.

– С этой стороны?

– Да.

Некромант встал в центр пентаграммы и махнул рукой. Герцог и его приближенные сгрудились за пентаграммой, чтобы даже случайно не задело.

– Начинаем!

Повинуясь жестам некроманта, специально отобранные для этого дела наемники вздернули связанных людей вверх, так, что те повисли на веревках кверху ногами. Замычали, завертелись, но некромант махнул рукой еще раз:

– Режьте!

По этой команде наемники закрепили веревки, каждый вздернул своего человека за волосы – и хладнокровно полоснул ножом по горлу. Пять клинков блеснули в свете факелов, пять темных струй ударили в рисунок пентаграммы, окрасили песок в темный цвет, пробежали по канавкам, заполняя их…

Наемники тут же отскочили и присоединились к стоящим за спиной некроманта, а тот уже поднял руки, глядя на Алетар.

– Вижу ветер! Взываю к ветру! Да принесет он с собой холод и боль, чуму и глад, злобу и мор… – Мерный речитатив пронизывал воздух, словно клинок, и люди невольно ежились и вздрагивали. – И подует ветер северный, и принесет он с собой болезнь, и подует ветер восточный, и принесет он с собой боль, и подует ветер южный, и принесет он с собой страх, и подует ветер западный, и принесет он с собой – смерть! Я призываю смерть! Я призываю черную

смерть выйти и следовать за голосом моим, за словом моим, за рукой моей, за духом моим! Кровь моя, сила моя, боль моя, власть моя…

В руке некроманта блеснул клинок. Мужчина хладнокровно вскрыл себе вену на левой, пока только на левой руке, и первые капли упали на песок, смешиваясь с кровью жертв.

И воздух медленно заколебался над вершиной треугольника, той, которая была обращена к Алетару. Огненными факелами вспыхнули тела жертв. От них и пепла не останется. Не так уж много сил было у господина Тимоза, но открыть ворота нечисти легко. Ты ее поди загони обратно!

Некромант медленно повторяет слова на непонятном языке, пятно уплотняется, расширяется и становится видно, что оно словно состоит из тысяч и тысяч насекомых. И все это марево волнуется, двигается, жужжит… Пока они еще не проявились до конца, пока они находятся между «здесь» и «там», но по коже людей невольно пробегает мороз. Им кажется, что из тучи на них смотрят злые и холодные глаза неизвестного существа – и им страшно, очень страшно…

Спокоен лишь один некромант.

– Кровью своей я заклинаю, жизнью своей я закрепляю. Да падет черная смерть на головы человеческие, и не будет от нее спасения на земле и под землей, на воде и в воздухе… Слово мое, кровь моя, власть моя, жизнь моя!

И нож уверенно рассекает горло некроманта. Господин Тимоз падает вперед, попадая ровно на вытянутый угол направляющих.

Кровь заливает пентаграмму, странным образом не выходя за прочерченные линии, – и тело некроманта вспыхивает черным пламенем. А рой становится ярким и отчетливым, окончательно определившись с миром. Он вылетает из пентаграммы и направляется в сторону Алетара.

И словно кто-то взмахивает рукой, давая сигнал к окончанию спектакля. Спадает полотно страха, висящее над бухтой, люди переводят дыхание (и когда они успели его задержать?), передергивают плечами, словно стараясь сбросить нечто мокрое и холодное. Получается плохо.

Герцог смотрит на пентаграмму.

Что с ней теперь делать? Забросать песком? Как-то не поинтересовался он этим вопросом у некроманта, нелепо же – герцог и уборка? Но если это все оставить как есть…

Судьба не дожидается его решения.

Медленно осыпаются пеплом тела жертв, и на песке остаются только виселицы. Опадает черным прахом тело некроманта, а потом на месте пентаграммы принимается кружиться маленький смерч. Недаром некромант рисовал воздух, ох недаром…

Не проходит и пяти минут, как о происшедшем напоминают только виселицы. И песок какой-то странный, рыхлый, влажный, но прилив еще успеет скрыть все следы. А если будет шторм – вообще великолепно.

– Сжечь тут все! – командует герцог.

Эту ночь он проведет на берегу моря. Только не здесь, конечно, неподалеку для него все приготовлено. Раскинут шатер, разожжен огонь… Все же и у Ришарда есть предел прочности.

Не стоило бы присутствовать при этом действии, но все люди – твари и негодяи! Как еще можно убедиться, что все сделано достойно и правильно?

Ах как тяжело жить, когда некому довериться!

* * *

Его величество медленно спускался по ступеням. Сердце Алетара. Место средоточия мощи короля-некроманта, место, в котором короли встречают смерть и отдают свои силы.

Место, в котором посторонние не появляются, а если и бывают они здесь, то назад уже не выходят…

Сегодня его величество Эрик шел туда не просто так. Он хотел узнать, что собираются сделать враги. Конечно, некромантия не дает предвидеть будущее, но можно призвать умерших и хорошенько их расспросить.

Он был уже на середине пути, когда…

Это напоминало порыв леденящего ветра, пронесшийся сквозь короля. Сквозь стены, воздух, сквозь самое его сущность, сквозь то, что составляло естество мага. Король ощутил поток холодной смертоносной силы, понял, что она направлена на Алетар, и осознал, что идет гибель. Какая? Не суть важно. Проклятие, или болезнь, или… Он быстро это увидит. А вот противостоять…

Эрик выругался и опрометью бросился вниз по ступеням.

На том конце цепочки тоже был некромант. И видит небо, не слабее его величества. В эту минуту даже сильнее, потому что король никогда не вкладывал в свои заклинания все силы до последнего, а неизвестный некромант отдавал себя.

Ему же не хватит…

Король размышлял и прикидывал, но, когда он подошел к белому алтарю, было уже поздно. Неизвестный некромант завершил свое заклинание. И на том конце была его смерть.

Окончательная?

Нет, душа некроманта ускользнула. Отдавать свое посмертие для полного успеха заклинания некромант не захотел, оно и понятно. Есть вещи, ради которых ты пожертвуешь и жизнью, и смертью, и посмертием, отдашь все, и благодарить будешь, что взяли. Но это нечто, затрагивающее твое сердце и душу. Наниматель – это немножко не то. Вот некромант и схитрил, приберег для себя окольную тропку.

Это он, конечно, зря…

Его величество не знал, кто это, не знал ни имени, ни… да ничего не знал! И ничего у него не было. Ни крови, ни волос, ничего! Только след заклинания, по которому и собирался пройти его величество Эрик. След призыва, живой и активный, черной нитью протянувшийся во тьму забвения.

Сложно?

Да. Но это единственный способ в ближайшее время узнать, что произошло. А его величеству казалось, что время сейчас важно как никогда. Блеснули в темноте когти, один из живых клинков уверенно (далеко не в первый раз) вскрыл вену. Его величество положил руки на белый камень.

– Своей кровью, силой, властью…

Призвать душу господина Тимоза было не просто сложно – безумно тяжко. Словно Эрик тянул из воды заматеревшую акулу. А она еще и не идет, и сопротивляется, и сил у нее хватает… Как и зубов и ненависти. Но на этом конце удочки тоже был не трехлетний ребенок. Кровь полудемона может многое, и кровь короля, и его воля – тоже. А потому…

Воздух над алтарем заколебался, и в нем, словно в пустынном мареве, проявился силуэт мужчины. Эрик знал, что долго его не удержит, а потому не стал тратить время на выяснения, кто, откуда и зачем. Вопросы были короткие и четкие.

– Кто тебя нанял?

По лицу мертвого некроманта пробежала гримаса, уродуя его окончательно, в мертвых глазах приливными волнами заплескалось безумие.

– Не-ет…

Эрик сжал руку в кулак, кровь потекла сильнее, а вокруг призрака скользнула, обвилась черная лента. Словно призрачная змея. Она зашипела, раскрыла пасть, и клыки, которые в ней

блестели, были вовсе не игрушечными. Такие могли повредить и призраку. Только вот душа безумца этого не боялась, она ничего не боялась.

Боль? Пусть, все равно самое важное уже сделано!

Змея зашипела, выхватывая целый туманный клок из тела призрака – и тут его пробрало по-настоящему. Если слишком сильно повредить душу, она не уйдет на перерождение. И никогда некромант не сможет вернуться к родным, никогда не встретит их вновь, просто исчезнет раз и навсегда…

И он дрогнул. Власть и воля Эрика оказалась сильнее.

– Герцог Ришард.

Почти хрипение, почти сип, на пределе воли.

– Где проводился обряд?

– К северу от Алетара, побережье…

Этого достаточно. И последний… самый важный.

– Что это за проклятие?

– Черная смерть!

Призрак зловеще расхохотался, а его величество обмяк у алтаря. Черная смерть. Ох-х… Интуиция не обманула, времени было не просто мало. Оно уже закончилось. Но разве это повод сдаваться?

Надо было встать. Идти, поднимать людей, надо было… Надо – было. А вот сил на это не было. И эта проклятая лестница…

Эрик пообещал себе, что, если останется жив, обязательно построит подъемник. И медленно поплелся, почти пополз по ступеням вверх. Если не начать подниматься, то и не поднимешься. Плохо ли, больно ли…

Это его Алетар. И ради своей страны он справится.

* * *

Это было словно удар плетью. Как будто меня ожгли что есть силы, выбив из легких воздух, а из глаз – слезы, заставив захлебнуться болью и криком.

Я открыла глаза и вскинулась на кровати. Никого. Ничего. И все же… Словно нечто темное, холодное, жуткое смотрит на меня из темноты. Касается липким щупальцем.

Не выдержав, я выпустила наружу дар, позволила ему вспыхнуть теплым огоньком внутри меня… И разжались призрачные когти. Шарахнулись прочь, отступили, а я вылетела из комнаты.

Что бы это ни было, канцлер должен знать!

С Алонсо Моринаром мы столкнулись в коридоре, вцепились друг в друга.

– Вета!

– Дядя!

И вышло это совершенно естественно, словно и правда – дядя. А, Темного крабом, какие тут церемонии?

– Что случилось?

– Я тоже хотела спросить… магия?

– Да. Я плохой маг, но это… некромантия?

Я подумала пару минут и невольно вздрогнула. Да, именно она. Это чувство я испытывала, когда на моих глазах уходили люди. Именно это. Смерть пришла в Алетар и уходить не собиралась. Оглядывала город, примерялась к людям, встряхивала холодными пальцами… Кто тут первый?

Но не последний, далеко не последний…

– Смерть. Не знаю… проклятие? – попыталась передать я свои ощущения.

– Надо ехать во дворец. Одевайся.

– Лон?

Линетт Моринар слушала нас, бледная, словно смерть, с широко открытыми глазами. Канцлер выругался, в два шага преодолел расстояние до жены и заключил ее в объятия.

– Нетта, милая, собери Лима. Срочно. Мы едем во дворец. Если кто-то и может что-то определить, то только его величество. Вета?

– Сейчас оденусь, – коротко ответила я.

И отправилась к себе в комнату.

Над Алетаром разливался тоскливый вой. Собаки плакали на улицах города.

* * *

С криком ужаса проснулся королевский маг Ренар Дирот.

Словно от ведра воды, вылитой на голову, подскочил на кровати Рамон Моринар. И тут же принялся одеваться. Надо срочно ехать во дворец. Поднять гвардию, заглянуть по пути в городскую стражу, сказать, чтобы усилили караулы…

Герцог не знал, что именно произошло, но твердо был уверен, что это – не к добру. Как и всякий маг, он почувствовал выплеск силы, осознал, что это некромантия, а поскольку некромантов в Алетаре было считаное количество и все они преданы Короне. Вывод? Это некто посторонний. И вряд ли он решил пройти мимо и пожелать всем спокойной ночи. А раз так – на крыло!

По всему Алетару люди, обладающие силой, замирали в кроватях, просыпались с криком, пугали близких и родных. Смерть тяжелой пеленой нависла над городом и смотрела на свои будущие жертвы. Скоро, очень скоро она соберет первую жатву.

* * *

Приближенный Фолкс не спал в эту ночь. Он сидел у себя в комнате, попивал вино, закусывал его сладкими медовыми крендельками и думал. И мысли его были печальны.

Мага жизни он нашел. К сожалению, еще раньше этого мага нашел Моринар. Палач, тварь такая, чтоб ты сдох, не родившись! Не могли тебя добить, негодяя? Чтоб твои потроха Темный сожрал и не подавился! Ненавижу! Не мог промешкать хотя бы пару часов? Тогда маг жизни достался бы Храму.

Хотя…

Нет, и это вряд ли. Если бы по-тихому поймать мага и дружески убедить сотрудничать с Храмом, тогда шансы были, а вот когда выплеск магии жизни ощутила малым не половина Алетара, когда мага найти стало проще простого…

Конечно, Корона воспользуется своим шансом, кто б сомневался? И противостоять ей не выйдет. Это вам не Риолон, Тевapp или Мирол, в которых власть Храма сильна, как и всегда. Это – Раденор с его королем-некромантом и полным пренебрежением к Храму! И спорить с королем себе дороже.

Храм пытался.

Но получалось весьма и весьма неубедительно. Его величество не отличался дружелюбием и добротой душевной, не боялся крови и смертей, не брезговал лично запачкать руки. Со времен Александра Проклятого Храм пытался восстановить свою власть еще трижды – и трижды менялась вся его верхушка. И приближенные, и доверенный. Так что стоило признать – эту партию они бы и без Моринара проиграли.

Ненависть к Палачу, впрочем, меньше от этого не стала. Изо рта, считай, добычу вырвали, только и осталось, что зубами лязгнуть! Как так получается? Храм на этого мага жизни охо-

тился-охотился, время тратил, силы, деньги, нескольких магов потерял, а тут… Пришел, понимаете, на выплеск силы и наложил на мага свою лапу. Мерзавец! И теперь маг жизни недоступен навсегда. А ему, Фолксу, век сидеть в этом мерзком Алетаре.

Приближенный так злился, что даже не заметил, не почувствовал крохотного укола в руку. Да и заметил бы… Что такое блоха? Да… блоха и есть. Бывает. Кто обращает внимание на такие мелочи?

* * *

Маркиз Террен проснулся от легкого укола в плечо. Пару минут он лежал, думая о том, что его разбудило. Наверное, из окна подуло. Да, скорее всего, именно сквозняк. Бывает. Старый он уже, вот и реагирует на свет, на вкус, на цвет… Да, хорошо, что хоть наследник есть. Даилине скоро рожать. Надо бы поговорить с этой девочкой, магом воды.

Маркиз точно знал, что будет спокойным, только если девочка будет рядом с его женой и ребенком. Предложить ей что-нибудь, денег дать… завещать, чтобы она была свободной и независимой. Надо завтра позвать ее. Попросить с утра Лорта, пусть найдет госпожу Ветану и пригласит. Вежливо, как полагается. А то смерть придет, а он ничего и не успеет. И чего это он задумался о смерти? Старый стал. Старый, больной, вот и мерещится кругом. Эх, жизнь…

Маркиз забрался под одеяло. Разболелась голова, заломило кости… Ничего. Сейчас он попробует заснуть, и все пройдет. Просто время такое – ночной час, самый темный, самый гадкий…

Он перетерпит. И скоро наступит утро.

Глава 4

Дворец жил, словно там никто ничего не почувствовал.

Стояли на карауле стражники, отдающие честь, когда мы проходили мимо них, тенями скользили слуги, при виде канцлера замирающие в полупоклоне, пару раз мимо нас пробежали кошки с высоко задранными хвостами. Одна даже подошла, потерлась о канцлера в знак величайшей кошачьей милости. Алонсо остановился на секунду и почесал мягкий кошачий загривок.

– Мыши и крысы – страшное дело, – вполголоса объяснил он. – Вот и привечают мурлык уже который год.

Я невольно улыбнулась. Кошка была большая, пушистая и явно беспородная. Кто бы ни принес ее во дворец, на родословную эти люди не смотрели.

– Хорошие крысоловки?

– Не то слово, – серьезно ответил канцлер. – И короля любят. Правда, своеобразно.

– Это как? – Мне стало даже интересно. – С непристойными предложениями приходят по весне?

– Нет. С мышами круглый год. От них же ничего не запрешь – проберутся. А теперь представьте, приходит его величество в свои покои с дамой, и только доходит у них до…

– …разглядывания рисунка на наволочках или вышивки, к примеру, – невинным тоном подсказала я.

– Ага, вышивки, – хохотнул канцлер. – Только решили поближе разглядеть, улеглись, как поворачивает дама голову и оказывается нос к носу с дохлой крысой. Почти нос к носу – у крысы кошка голову отгрызла.

– Его величество не оглох? – светским тоном поинтересовалась я, едва сдерживая неуместный смех.

– Эм-м… Его величество извлек урок из случившегося, и с тех пор сначала проверяет вышивку сам, а потом уже с дамой, – ханжеским тоном ответствовал канцлер.

И тут мы рассмеялись. Ненадолго, потому что подошли к королевским покоям. Стражники смотрели на нас вполне спокойно, но, когда канцлер поднял руку, чтобы потянуть за шнур звонка, покачали головами:

– Его величество вышел.

– Давно?

– Около полуночи.

Стражник постарше отвечал, стражник помладше стоял и ел меня глазами. Видимо, не каждый день канцлер приводит девушек в королевскую опочивальню, и парень гадал – за какие таланты я удостоилась подобной чести?

Алонсо нахмурился:

– Вета…

– Да?

Несколько минут мужчина словно что-то взвешивал, а потом махнул рукой:

– Пошли. Мало ли, вдруг твоя помощь понадобится…

Несколько шагов по коридору, поворот, тупик, но канцлера это не остановило. Он уверенно подошел к стене и над чем-то там поколдовал. Я не видела подробностей, да и видеть не хотела. Ну их, эти государственные тайны…

Послышался легкий скрип, и часть панели повернулась на невидимых петлях. Открылась лестница вниз.

– Идем.

Я послушно направилась вниз, за канцлером.

Подозреваю, что есть проход вниз и из королевских покоев, да не один, но кто ж меня будет посвящать в такие тайны? И сюда-то, наверное, взяли, чтобы одну во дворце не оставлять – мало ли кто, мало ли что…

Дверь закрылась за нами, но темно здесь не было. Благодаря чему? Я не знаю, но откуда-то сверху шел рассеянный слабый свет. Хватало, чтобы видеть ступени под ногами, а больше и не надо.

– Тут хитрая система зеркал, еще Александр Проклятый установил, – пояснил канцлер. Видимо, не одна я удивлялась. – Днем намного светлее, но и ночью, если она полнолунная или звездная, не споткнешься.

Я и не спотыкалась. Но идти вниз…

Какое-то странное чувство охватывало меня по мере того, как я спускалась по ступенькам. Страх? Нет, страхом это назвать было нельзя. Я не мерзла, не дрожала, не впадала в истерику, не хотела сбежать…

Мне было… неправильно! Я была здесь неуместна, как бальные танцы в похоронной процессии. Мне было здесь не место, и какая-то сила удивленно разглядывала меня – вот бывает ведь? Явилось невесть что… невесть кто…

Постепенно я замедляла шаги, так что канцлер даже обернулся на меня.

– Вета?

Пожала плечами, потом поняла, что мой жест просто не увидят, и тихонько, словно меня кто-то мог услышать, шепнула:

– Неуютно здесь. Давит…

– Тьфу, кракен! – канцлер от души шлепнул себя по лбу. – Я же не подумал. Его величество некромант, а ты-то…

Точно! И я не подумала.

Маги жизни и некроманты не враги, точно так же как не враги вода и огонь, ветер и земля. Антагонисты, да, но не враги, потому что одного без другого не существует. И все же им неуютно рядом друг с другом.

– Ах вот оно что…

– Кто здесь?

Голос снизу заставил подпрыгнуть меня, дернулись на стенах тени, казалось, заговорил сам мрамор под ногами. Но канцлера было не так легко напугать.

– Эрик?

– Алонсо? Ты? Помоги…

По ступенькам мы ссыпались наперегонки.

Его величество сидел пятью пролетами ниже и выглядел не слишком хорошо. Бледное лицо, запавшие глаза, резко обозначившиеся скулы… Ей-ей, увидела бы я его в темном переулке – летела бы вперед своего визга. Канцлер таких сомнений не испытывал.

– Ты в порядке?

– Почти. Сил много потратил, а так – нормально. Встать помоги.

– Может, у меня сил возьмешь?

– Чтобы тебя потом на себе тащить? – В голосе короля прорезалось ехидство. – Знаешь, когда канцлер на себе монарха тащит, это как-то привычнее, так что давай, работай.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.